

КАТАСТРОФА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

10 миллиардов
рублей
не хватит,
чтобы
вылечить
Норильск



ПОНЕДЕЛЬНИК среда ПЯТНИЦА

НОВАЯ газета

страницы 2—3

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

№ 59 (3069) 08.06.2020 г.

«У МЕНЯ НА ГЛАЗАХ УБИЛИ МАМУ»

Почему мама медика
умерла у него на руках
от коронавируса

Социальное расследование
Татьяны ЮРАСОВОЙ

страницы 5—7



Загрязнение почвы вдоль автодороги
Норильск — Алыкель в районе Надеждинского
металлургического завода. Апрель 2020 года



КАТАСТРОФА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

О масштабной экологической катастрофе, случившейся 29 мая в Норильске, вся страна узнала 3 июня, только после совещания с участием Владимира Путина. Президент пытался в ручном режиме разобраться, кто и кого не уведомил вовремя и почему о произошедшем стало известно из социальных сетей. На сегодняшний день разлив дизельного топлива удалось локализовать. Ликвидацией аварии занимаются все профильные ведомства Российской Федерации: МЧС и Росприроднадзор. В пятницу по видеосвязи их руководители держали ответ перед президентом — в компании с губернатором и владельцем «Норильского никеля» Владимиром Потаниным. Потанин заявил, что его компания оплатит все счета на 10 миллиардов рублей. Кому-то эта сумма может показаться космической, но по итогам прошлого года «Норникель» выплатит своим акционерам 88 миллиардов рублей, почти треть из которых достанется «Интерросу» Владимира Потанина.

Но это не только вопрос денег. Режим чрезвычайной ситуации, введенный решением президента, позволил ненадолго вернуть Норильск в состав Российской Федерации. Полюсом силы в моногороде является комбинат, и обычно его власть намного выше, чем у местного и федерального начальства. Я видела это своими глазами в ноябре, когда приезжала в Норильск в командировку готовить публикацию о горняках, погибших в руднике (см. № 129 «Новой» от 18 ноября 2019 года). Тогда мне стало ясно, что техногенные аварии случаются здесь регулярно, просто на большой земле о них толком не слышат, а экологическая катастрофа — просто форма существования Норильска, а не какое-то отдельное событие.

«Двадцать девятого июня была информация, что автомобиль врезался в резервуар на ТЭЦ-3 в Норильске, потом — что автомобиль ехал и загорелся, потому что он проезжал через разлившееся топливо. Но в любом случае сообщалось, что был пожар, что все потушили и ущерба природе нет, — рассказывает руководитель программы по экологической ответственности бизнеса «Фонда дикой природы» **Алексей КНИЖНИКОВ**. —



А 31-го рано утром мне прислали сообщение с Таймыра с записью, на которой видно, что произошел колоссальный прорыв резервуара с топливом. Я понял, что это разлив в объеме, о котором раньше и слышать не приходилось. У нас хорошие связи с лучшими спасателями страны, это морская спасательная служба, я позвонил их руководству и сказал, что произошла экологическая катастрофа, туда нужно вылетать. После этого связался с экологами «Норильского никеля». В ту же ночь первые спасатели из Мурманска прилетели в Норильск, началась настоящая ликвидация, когда дизельное топливо уже плыло по реке. Я приложил руку, чтобы спасатели туда оперативно поехали. Они поставили боновые загра-

ждения на реке Далдыкан, возле озера Пясино, очень быстро и правильно, показали свое мастерство. Их оперативная и правильная работа предотвратила попадание большого объема загрязнения в само озеро».

Получается, что настоящая ликвидация последствий катастрофы началась при помощи независимых экологов, а не самого «Норникеля» и даже не МЧС. Винить комбинат в неумелых действиях было бы неправильно: в конце концов, они не нефтяники, и разливы топлива — не их профиль. Но большой вопрос, почему они сразу не запросили масштабную помощь и почему мурманским спасателям звонил эколог Книжников, а не представитель «Норникеля».

Усталость металла

Пятого июня впервые за долгое время в Норильске посмотрели на Владимира Потанина. Не лично, конечно, — по телевизору. Мало кто в городе, да и далеко не все на комбинате видели

живую своего хозяина. Зато многие знают, как выглядят его охрана и самолет. Яхты, понятное дело, в Дудинку не заходят, они обычно у берегов Франции. Самый богатый человек России даже не пытается сделать вид, что может быть нечто общее между ним и людьми, которые расходуют свою жизнь на комбинате, производящем никель, платину, палладий.

«Норникель» — одно из самых рентабельных предприятий в мире в своем секторе. Помогают низкие затраты. А их удается держать на низком уровне потому, что основные капиталовложения были сделаны еще до перестройки. Последняя крупная модернизация была проведена в 1972 году, так что износ основных фондов уже превысил 70%.

Непосредственно на ТЭЦ-3 ситуация немногим лучше. Ростехнадзор указал, что в одной из причин аварии мог быть износ оборудования, которое большей частью датировано 1980 годом. Может, цистерна повредилась из-за того, что под ней поплыла тающая вечная



« МАЛО КТО В ГОРОДЕ И НА КОМБИНАТЕ ВЖИВУЮ ВИДЕЛ ПОТАНИНА, ЗНАЮТ ТОЛЬКО, КАК ВЫГЛЯДЯТ ЕГО ОХРАНА И САМОЛЕТ



После разлива топлива под Норильском страна вдруг заговорила о том, что это происходит там регулярно

мерзлота, как настаивают в компании. А может, просто проржавела. Комиссия разберется.

О необходимости масштабной реконструкции Норильска говорили давно. Сам комбинат, шахты, ТЭЦ, коммунальные сети — все это советское, начинали строить при Сталине, закончили при Брежнев.

В новом веке в Норильске было построено два или три дома, а по мере износа сносят частично или перестраивают, как домики в игре «Майнкрафт». Свая под подъездом просела — подъезд снесли. Был девятиэтажный дом — перестроили в пятиэтажный.

До 2001 года весь жилой и нежилой фонд, все объекты социально-культурного и коммунально-бытового назначения состояли на балансе ОАО «Норильского горно-металлургического комбината им. А.П. Звениягина». В августе 2001 года горрадикализация и комбинат выпустили совместное постановление «о передаче в собственность единого муниципального образования город Норильск жилищного фонда, объектов социально-культурного наследия и коммунально-бытового назначения».

Освободившись от социалки, «Норникель», конечно, здорово улучшил рентабельность. Денег на содержание собственного хозяйства ему точно должно хватать. Но и тут действует принцип оптимизации издержек.

«Резервуарам ТЭЦ-3, один из которых прорвало, примерно по тридцать лет. Их строил Надеждинский металлургический завод, который позже вошел в со-



ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ УТИЛИЗИРОВАТЬ ШЛАК И ТРАТИТЬ НА ЭТО СВОИ ДЕНЬГИ, КОМБИНАТ ЕЩЕ И ПРОДАЕТ ЕГО ГОРОДУ. ИДЕАЛЬНАЯ СХЕМА!

став «Норникеля». Это была последняя крупная стройка на комбинате, — рассказывает **Ринат ФАЙЗУЛИН**, эксперт по добыче и производству драгоценных металлов, бывший заместитель начальника информационно-аналитического отдела службы экономической безопасности «Норникеля». — После ухода последнего красного директора Филатова и перехода завода в частные руки можно забыть про плановые профилактические работы. Вместо капитального ремонта проводится частичный ремонт. Несколько лет назад произошла крупная авария на Талнахской ТЭЦ-2, там взорвался водород, был один погибший. Металлы устают, и свайные фундаменты тоже, а звончики о том, что может случиться какая-либо авария, были. Раньше же существовали специальные смотрите-



ли зданий и сооружений в Норильске, это были инженеры с политехническим образованием, они следили за тем, чтобы фундамент и сваи были в норме, чтобы не появлялись трещины. Сейчас ничего такого нет. Глава города заявил, что они упразднили отдел, который следил за свайными фундаментами».

Глава города Ринат Ахметчин — бывший топ-менеджер «Норильского никеля», за все время у него не было ни одного конфликта с руководителями комбината, которые получают гигантские премии за «оптимизацию». Наоборот, администрация города помогает извлекать прибыль. Например, в 2019 году жители Норильска обнаружили под ногами гранулированный шлак, который рассыпали в качестве антигололедного средства на дорогах.

Шлак под ногами народа

«Когда мы увидели, что происходит, сразу же написали в прокуратуру города Норильска, — рассказывает руководитель норильской общественной организации «Мой дом» **Руслан АБДУЛЛАЕВ**. — Мы получили информацию от Управления Роспотребнадзора



по Красноярскому краю, что металлургические шлаки ОАО ГМК «Норильский никель» не могут быть использованы в качестве антигололедного средства на территории жилой застройки, так как они являются отходами второго класса опасности. Дальше мы выяснили, что применяемый гранулированный шлак после его использования не утилизируется в установленном законом порядке и тем самым создает угрозу причинения существенного вреда здоровью людей и окружающей среде».

Ну то есть вместо того чтобы утилизировать шлак и тратить на это свои деньги, комбинат еще и продает его городу. Идеальная схема!

«В 2016 году был разлив из хвостохранилища или пульпохранилища, это тоже отходы комбината. Я тог-

гда глава города Ринат Ахметчин, сам бывший сотрудник «Норильского никеля». Касательно арестованного начальника цеха, здесь люди даже подписываются под петицией — мол, неужели все ограничится арестом этого линейного руководителя, который, кстати, только в январе приступил к работе. И сам стал заложником этой ситуации. Понятно, что руководству выгодно держать таких людей, которые в случае чего даже возмущаться не будут, на них можно все повесить. Хотя, конечно, он осознал, что обязан надлежащим образом выполнять свои обязанности по эксплуатации опасного промышленного объекта, что руководство оставит его крайним, но, конечно, его задержание и арест — избыточная мера».

И снова багровые реки

Город действительно стал заложником «Норильского никеля», люди ходят по отходам производства как по антигололедному средству, дышат диоксидом серы, и никто не реагирует на их жалобы. Масштабами выбросов диоксида серы в атмосферу компания «Норильский никель» прославилась на весь мир. Но транспортной прокуратурой Норильска недавно было установлено, что «перевозка серы комовой в морской порт Дудинка осуществляется железнодорожным транспортом ЗФ [Заполярный филиал] ПАО «ГМК «Норильский никель» в открытых ж/д вагонах, насыпью, что не отвечает требованиям закона».

Представляете, сколько еще удивительных фактов могут установить прокуратура, Ростехнадзор и Росприроднадзор, если им это будет разрешено? По крайней мере, поручение президента на видеоконференции 5 июня речь шла именно об этом.

А еще можно изучать социальные сети и архивы СМИ. Ведь река Далдыкан не впервые стала багровой. И даже не во второй раз. Просто раньше это была не солярка.

Реконструкция Талнахской обогатительной фабрики увеличила переработку руды с 7,7 млн тонн до 10 млн. Старое хранилище отходов — хвостохранилище — было заполнено, поэтому было срочно построено новое, вблизи озера Пясино. Но аварийные проливы происходят и там.

«И до аварии на ТЭЦ отходы производства «Норникеля» попадали в реку, все было в аварийном состоянии, — говорит эколог Алексей Книжников. — Предыдущие разливы уже нанесли большой урон живым организмам и в реке, и в озере. И численность снизилась в разы, и рыба настолько отравлена, что есть жесткая рекомендация для рыбаков: ни в коем случае не есть рыбу из этого озера. Сейчас многие особи, особенно в реке, конечно, погибли. Новый удар — слишком серьезный, остается надеяться, урок будет извлечен», — говорит Алексей Книжников.

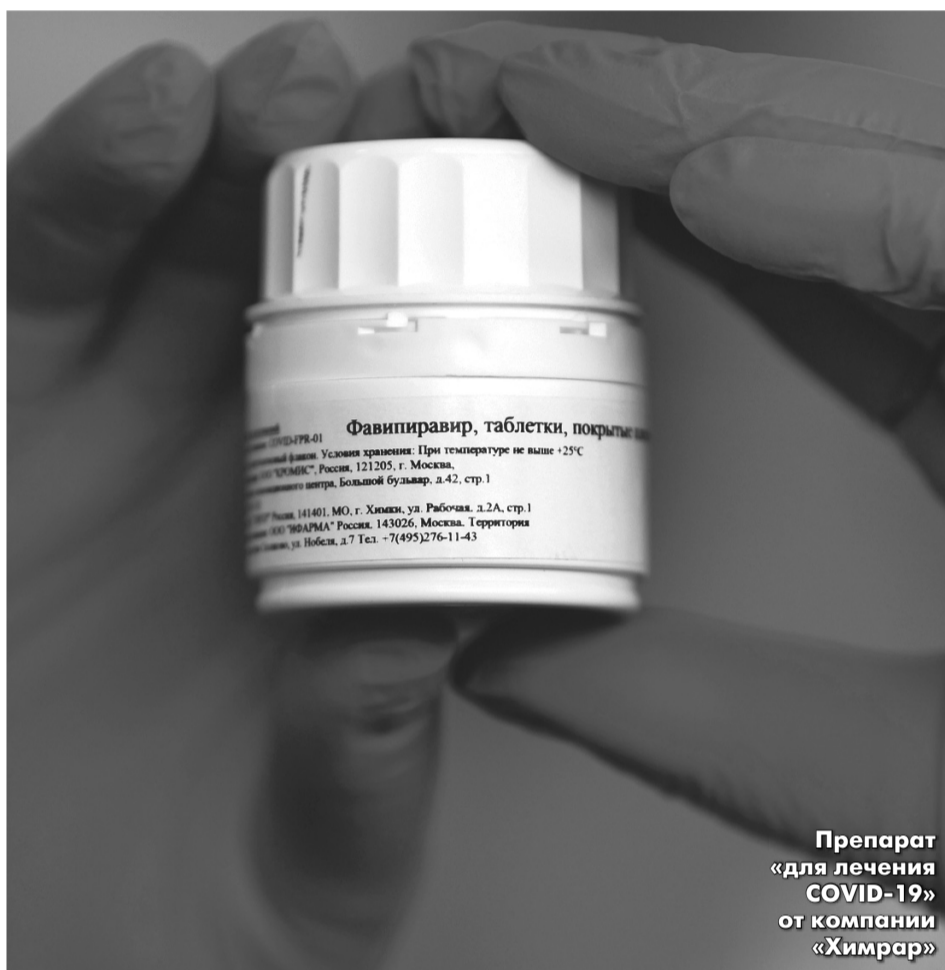
Но у меня не получается разделить его оптимизм. Люди, конечно, не рыбы, они лучше адаптируются к новым экологическим нишам. И неважно, сколько миллиардов в конечном итоге выделит Потанин. Потому что это банальная попытка откупиться от решения проблем и вернуть город в режим вечной изоляции, которая позволяет оптимизировать издержки и наращивать прибыль.

В Норильске надеются, что после ликвидации разлива Потанин может уйти с поста гендиректора — все же эта должность предполагает и ответственность, в том числе юридическую. Быть владельцем куда приятнее и безопаснее. А для предприятия было бы куда безопаснее, если бы им руководил человек, живущий в Норильске.

Олия ПОЛУХИНА,
«Новая»

ПОСПЕШИШЬ — КОВИД ИЗЛЕЧИШЬ?

Почему в России было в срочном порядке зарегистрировано «лекарство от коронавируса»



Препарат «для лечения COVID-19» от компании «Химрар»

РИА Новости

1 июня на пресс-конференции в ТАСС было заявлено, что регистрационное удостоверение Минздрава получил авифавир (фавипиравир), заявленный как первый российский противовирусный препарат прямого действия. Утверждалось, что действующее вещество синтезировали в группе компаний «Химрар» «из самой базовой химии». По словам замдиректора Национального медицинского исследовательского центра фтизиопульмонологии (НМИЦ ФПИ) Минздрава России Владимир Чуланова, 23 апреля стартовало многоцентровое рандомизированное открытое исследование, которое к моменту выдачи регистрационного удостоверения не было завершено. По словам гендиректора Российского фонда прямых инвестиций Кирилла Дмитриева, это вообще первый в мире зарегистрированный препарат на основе данного действующего вещества (фавипиравира). Председатель совета директоров группы компаний «Химрар» Андрей Иващенко заявил, что российский препарат — это не дженерик. Насколько эйфория по поводу авифавира оправданна? Мы поговорили об этом с профессором ВШЭ д.мед.н. Василием ВЛАСОВЫМ



— Испытывал ли кто-то в мире действующее вещество этого лекарства, с каким результатом?

— Лекарство было разработано в Соединенных Штатах, там были проведены клинические испытания, противовирусный эффект был обнаружен, однако ни в США, ни в Великобритании лекарство не было зарегистрировано для употребления по его предполагаемому назначению как противовирусное и противогриппозное средство. Почему? Потому что у этого препарата есть неприятный побочный эффект, так называемый тератогенный — лекарство может вызвать уродство у развивающихся в матке женщины детей.

Соответственно, разрешать этот препарат как противогриппозный было бы совершенно безумно. В 2014 году Япония у себя разрешила применять этот препарат, но только для особых вариантов гриппа — предполагалось, что будет эпидемия гриппа. Вслед за этим некоторые другие страны разрешили препарат, но тоже для особых целей. Далее, какие предписаны в России стадии клинического испытания? В России используется стандартная для всего мира схема, которая состоит из доклинических и клинических исследований. Доклинические исследования проводятся

самыми разными средствами, прежде всего это культуры ткани и исследования на животных. Клинические исследования, как их называют регуляторы, в основном делятся на три фазы. Первая фаза — это выявление острой токсичности и уточнение дозировки. Вторая фаза — это уточнение дозировки и предварительная оценка эффективности. И третья фаза — это уже тысячи пациентов для того, чтобы определить, как при установленной дозировке изменяется исход болезни, какая польза возникает от применения препарата.

Вот тут мы подходим к нашему фавипираву со стороны регуляторной. Если фавипиравир, наш, российский, сделанный «Химраром» и рекламируемый инвестиционной компанией, является тем же самым фавипиравиром, который разработан в Соединенных Штатах и применяется в Японии, тогда его можно у нас зарегистрировать как дженерик фавипиравира. Это означает, что в нем точно то же самое действующее вещество. Значит, надо провести только клинические испытания, которые не относятся к первой, второй, третьей фазе, так называемые испытания на биоэквивалентность.

— Что это за испытания, в чем их смысл?

— Смысл том, чтобы показать, что после приема таблетки русского фавипиравира в крови возникает такая же концентрация действующего вещества, как после приема японского фавипиравира. После этого такой препарат может быть зарегистрирован по тому же показанию, по показанию — грипп, и эта регистрация будет базироваться на тех данных, которые раньше были получены применительно к препарату фавипиравир.

Если речь идет о новом показании, то нужно проводить клинические испытания, клинические испытания третьей фазы, которая покажет, что этот препарат помогает для соответственно нового показания, например болезни COVID-19.

Что произошло в действительности сейчас в России? Компания, продвигающая этот препарат на рынок, получила разрешение на клиническое испытание 19 мая. А 29 мая препарат уже регистрируется Министерством здравоохранения с временным разрешением применять до 1 января 2021 года. То есть испытание не проведено, а разрешение уже дано.

— А почему так спешили с регистрацией? Так вообще можно?

— Препарат зарегистрирован, очевидно, в срочном порядке по двум причинам. Первая причина: действительно, есть эпидемия инфекции, и против агента этой инфекции, против этого вируса, вызывающего болезнь COVID-19, нет активного противовирусного препарата.

Второе — это то, что компания получила возможность первой зарегистрировать свой препарат как имеющий прямое показание — лечение болезни COVID-19. Что это означает с точки зрения маркетинга? Это означает, что как только этот препарат появится на рынке — он в принципе уже разрешен и, значит, может появиться сегодня — значит, всех больных нужно лечить именно этим препаратом. Все остальные препараты, которые применялись до сих пор против вируса, не должны применяться, поскольку есть препарат, который предназначен для этого.

Компания заявляет, что она может изготавливать препарат на 50–60 больных в месяц. В масштабах нашей страны это аб-

солютный нонсенс, это ничто. И соответственно, непонятно, в чем смысл вообще всей спешки, если сегодня они не могут обеспечить страну этим препаратом.

Минздрав проявил себя в этой ситуации как ведомство совершенно безвольное, не способное к контролю над ситуацией. Они с интервалом в 10 дней разрешают клиническое испытание и тут же, с интервалом в 10 дней, разрешают препарат для клинического применения. За это время невозможно ни организовать клиническое испытание, ни даже провести нормальную экспертизу заявки на регистрацию препарата.

Сама заявка на клиническое испытание, она существует в непонятно каком виде, мы ее полностью увидеть не можем, она не может быть секретной. Но то, что мы знаем о ней, это так называемые открытые испытания, и это ужасно. Почему? Потому что испытание проводится по закону спонсором. Спонсором является коммерческая организация «Химрар». Если испытания открытые, значит, врачи и спонсор знают, какой пациент что получает. Значит, можно легко найти у тех больных, которые получают изучаемый препарат, более успешное течение заболевания.

Это может быть совершенно субъективно, даже без какой бы то ни было коррупции, и именно поэтому открытые испытания считаются плохими. Нет никаких препятствий к тому, чтобы проводить это испытание как слепое. Единственное основание к тому, чтобы проводить его как открытое, это для того, чтобы сделать все с гарантированным результатом в пользу препарата.

Что в этом хорошего? Помимо испытаний, которые проводятся в России, интерес к фавипираву проявили некоторые другие страны, и там идут испытания. Соответственно, если даже у нас, что называется, наокасычили, то другие испытания покажут, возможно, более объективный результат.

Подчеркнем, что на сегодняшний день то, что было предъявлено на очень небольшом числе пациентов, не указывает на то, что фавипиравир является эффективным препаратом. Что предъявлено: более быстрое освобождение организма от вируса и более быстрая нормализация температуры, впрочем, на малом числе больных, это может быть просто случайностью. Но даже если это верно, эти особенности не являются целью лечения таких больных. Целью лечения таких больных является предотвращение тяжелой дыхательной недостаточности, предотвращение смерти — ничего этого не было показано.

Соответственно, выдача разрешения носит характер ужасной спешки.

— Что в этом ужасного?

Прежде всего то, что общество дезориентируется в отношении средств профилактики и лечения. Объявление о наличии эффективного лекарства приведет к небрежному отношению к социальному дистанцированию. Маленький объем производства означает высокую цену и неравный доступ к препарату. Поскольку препарат не предназначен для тяжелых больных, значит, его будут получать только допущенные к столу.

Андрей ЗАЯКИН, «Новая»

главная тема



Архив

Ольга Чекалина

Женщина с COVID-19
умерла на руках
у сына-медика.
Диагноз подтвердили
не сразу, и после
похорон в карантин
попали даже
следователи,
ведущие дело
о ее смерти.

Медицинский
детектив
Татьяны ЮРАСОВОЙ

«СЕЙЧАС У МЕНЯ НА ГЛАЗАХ УБИЛИ МАМУ»

РИА Новости

— Следователи ребятам по телефону звонят, спрашивают, они тоже на карантине сидят.

— Какие следователи?

— Из Следственного комитета! У нас здесь уголовное дело — пациентка умерла, — огоршил доктор из Георгиевской центральной районной больницы в Ставропольском крае.

Пришедшее из Георгиевской ЦРБ сообщение сразу привлекло к себе внимание, хотя речь в нем шла не только о нехватке СИЗ, а именно ситуацию с ними в первую очередь отслеживали координаторы проекта «Синдиката-100» «Скорая журналистская помощь». В нем говорилось о серьезных нарушениях эпидемиологического режима: о том, что больные с подозрением на ковид лежат в общей реанимации вместе с женщинами после кесарева сечения, детьми и инсультниками, что в этом отделении, по существу, нет разделения между «чистой» и «грязной» зонами и что с пациентами этих палат работают одни и те же врачи и медсестры.

Через пару недель в «Скорую журналистскую помощь» опять написали о Георгиевской ЦРБ: «Моя мама находилась в реанимации с диагнозом двусторонняя пневмония и умерла из-за того, что дежурный реаниматолог отказался ее интубировать, так как на самом деле он был не реаниматологом, а терапевтом». Подробности трагедии автор сообщения обещал рассказать по телефону.

С координатором «Скорой журналистской помощи» Александром Гатилиным мы связались с обоими заявителями, те документально подтвердили свою личность. Первый оказался врачом-реаниматологом отделения анестезиологии-реаниматологии Георгиевской ЦРБ, второй — Сергей Чекалин, врач-хирург АНМО «Нефрологический центр», сын погибшей женщины. По каждому обращению мы работали отдельно, уточняли детали, запрашивали дополнительную информацию. И неожиданно для себя обнаружили, что оба сообщения между собой связаны: именно нарушения

эпидрежима и нехватка СИЗ во многом и способствовали трагедии.

«Мы думали, он — реаниматолог, а он терапевт»

О произошедшей в начале мая трагедии мне было известно в общих чертах: что погибла 51-летняя женщина и что сын у нее врач. С Сергеем Чекалиным мы созвонились значительно позже, когда он сидел на 14-дневной изоляции в селе Обильное, где жили его родители. В начале разговора он предложил не стесняться и уточнять у него медицинские термины, если что-то будет непонятно. Уточнять не пришлось, потому что история была не про болезнь.

«Мама заболела 26 апреля, в больнице ей сделали снимки, установили правостороннюю пневмонию, назначили лечение и отправили лечиться домой. 2 мая ей стало хуже, скорая доставила ее в ЦРБ, где ее сразу поместили в реанимацию. Когда я приехал, ее уже интубировали, то есть через ротовую полость вставили в трахею трубку и подсоединили к аппарату ИВЛ. Сделали рентген легких: картина была хуже некуда. Маму ввели в искусственную медикаментозную кому. В тот же вечер я связался со знакомыми реаниматологами из Ставропольской краевой больницы и попросил их помочь с программой лечения для мамы».

Вместе с дежурным реаниматологом они подобрали программу, выбрали самую жесткую — на стопроцентном кислороде.

«При поступлении мамы в больницу сатурация (показатель насыщения кислородом легких) у нее почти не определялась, потом появилась — 60%, 70%. Оказалось, что в нашей реанимации очень старый аппарат ИВЛ. Когда главный краевой реаниматолог Александр Дьяченко увидел его по конференц-связи, у него глаза на лоб полезли.

Я все время там находился. Мало того что праздники, так еще и постоянных реаниматологов не было: кто-то заболел и ушел на больничный, кто-то был на карантине.

Вместо них приезжали реаниматологи из соседних городов. Как врач я понимал, что здесь ее не смогут вытащить. Я не хочу бросать тень на нашу реанимацию — там работают хорошие специалисты. Но то, что мало медикаментов, что там некому было дежурить — все это я своими глазами видел. Одна медсестра и одна санитарка на два поста — «грязный» и «чистый». Это как, нормально? И врач один на два поста: сначала он одевается [в защитную экипировку], идет в «грязную» палату, где моя мама и еще одна женщина с ковидом. Если что-то вдруг случится, ему нужно раздеться и прибежать на «чистый» пост».

Поэтому Сергей попросил главного врача ЦРБ Каспарова перевести мать в краевую больницу, так как в отделении нет врачей.

«Главврач начал хаять и материть своих врачей-реаниматологов, что они устроили саботаж, что не хотят работать, что специально ушли. О перевозке мамы я также просил начеда Петросова, говорил, что готов сам заплатить и за перевозку, и за медикаменты, только скажите какие. А он мне отвечает: «Сергей, дай мне хоть два миллиона, я ее все равно не спасу. Ты видел ее снимки?» И это он мне говорил 3 мая!

Да, как врач я понимал тяжесть ее состояния, но краевые реаниматологи ее вели! А эти посылали меня на три буквы, иди отсюда, не мешай нам работать, хочешь быть с мамой, устраивайся к нам работать. Я был готов хоть санитаром».

На вторые сутки у мамы Сергея улучшились показатели, кислород снизили до 80%.

«Утром 3-го числа пришла эпидемиолог ЦРБ Спижова Любовь Геннадьевна. Увидев меня в отделении, устроила разнос: где халаты, где СИЗ, я выдавала. Медсестры говорят: «Да нет ничего». Та: «Как нет? Доставьте где хотите». Нашли эти халаты, надели, потому что у мамы подозрение на ковид. А у них даже масок не было!»

Главврач Каспаров запретил Сергею появляться в реанимации. 4 мая его снова не пустили. Дежурный врач не стал связываться с краевым реаниматологом и ставить трахеостому, как тот накануне рекомендовал. Трахеостома — это трубка,

в нижней трети гортани делается разрез, и она туда вставляется, пояснил Сергей.

«На следующий день меня пустили. Дежурный реаниматолог представился Кандауровым Сергеем Борисовичем. Мы пошли к маме, я позвонил реаниматологу из краевой больницы, и полтора-два часа мы выставляли параметры: кислород сделали ей уже 57%! А сатурация была у мамы под 90 — почти норма. Состояние ее значительно улучшилось. Краевой реаниматолог спросил Кандаурова, почему не поставили трахеостому. А тот: «Я только сегодня заступил, ничего не знаю». У них же не было тогда постоянных, каждый раз пациентов лечил другой врач. Когда я приехал, инфузомат (аппарат для длительного дозированного введения лекарства. — Ред.) пищал: заканчивалось вещество, вызывающее медикаментозную кому, мама уже пыталась сама дышать. И это все видел краевой реаниматолог. Он: «Ребята, давайте бегом, седатируйте ее!» А препарата в отделении не оказалось, санитарка побежала в главный корпус в аптеку».

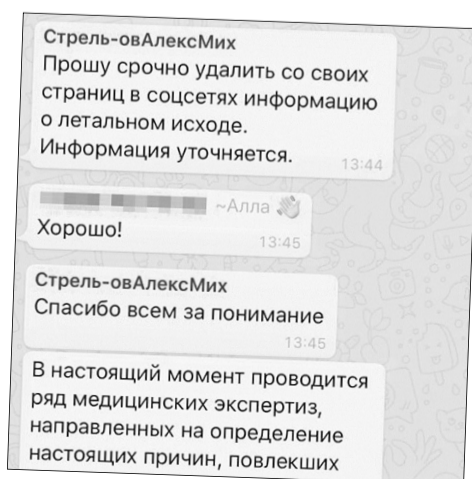
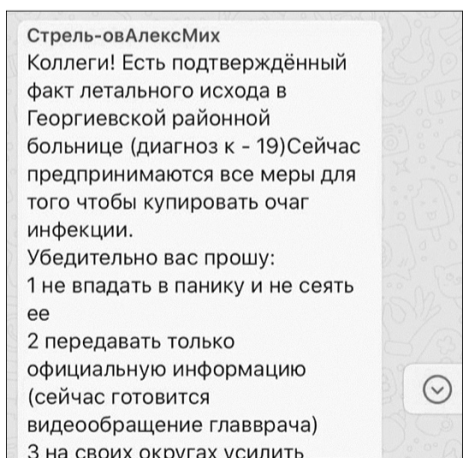
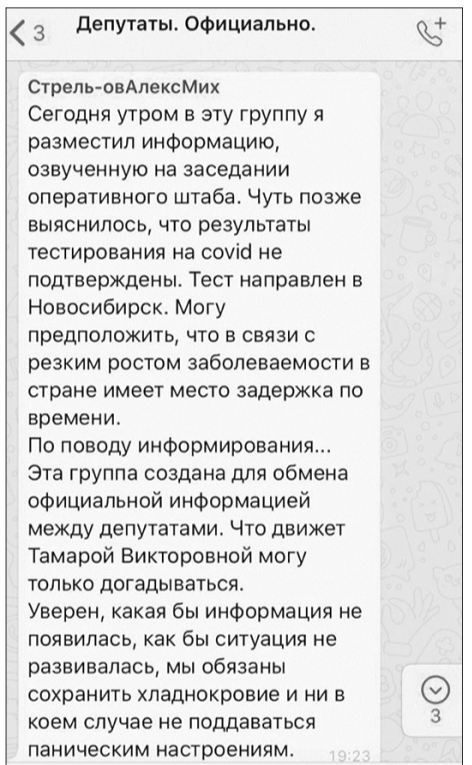
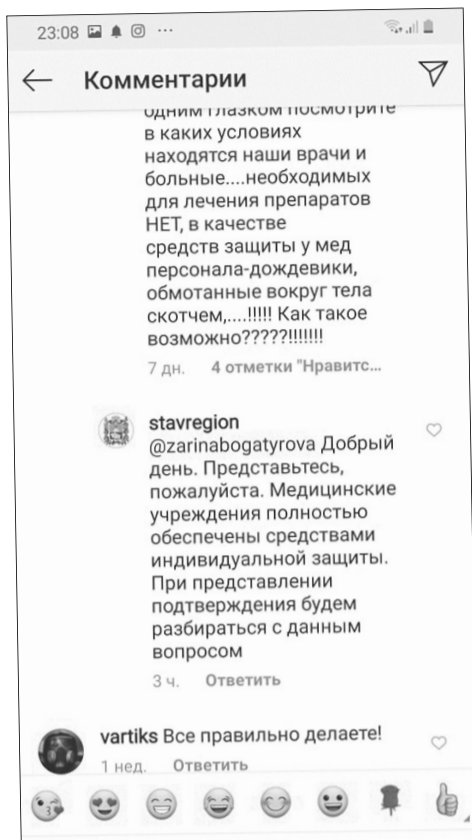
Чекалин пошел к главврачу Каспарову, распорядившемуся опять его не пускать, и рассказал, как «следят» за его мамой, а также спросил, почему ей не дают препараты, рекомендованные ВОЗ для пациентов с ковидом.

«Главврач ответил: «У нее не подтвержден ковид!» Тогда почему ее положили в «грязную» зону, где есть ковидная пациентка, спрашиваю. Они: «Хорошо, мы назначим».

Каспаров сказал, что маме назначили трахеостомию, ЛОР-врач уже едет. И разрешил мне быть в реанимации.

Когда я туда пришел, Кандауров и ЛОР-врач Русяев уже переоделись. Русяев приготовился вводить трахеостомическую трубку в трахею, но мама же была интубирована, там уже стояла трубка. Чтобы одну трубку ввести, нужно другую вытащить, экстубировать. Русяев говорит реаниматологу Кандаурову, чтобы тот убрал трубку, и он поставит трахеостому.

← СТРАНИЦА 5



Засунул ее с пятой попытки, это было непросто из-за особенностей сложения мамы. Поставил, а дыхание в легкие не проводится. Еще раз поставил — не проводится. А изо рта трубку уже вытащили. Мама не дышит. Русяев говорит Кандаурову, чтобы повторно ее интубировал. На что реаниматолог говорит: «Я не умею интубировать! Я терапевт. Меня сюда поставил дежурить главный врач».

Мы думали, он реаниматолог, а он оказался терапевтом! У ЛОРа глаза полезли на лоб.

Я тоже не мог интубировать — я нефролог, я не знаю, как это делается. Я срочно позвонил другому реаниматологу, он приехал через несколько минут, интубировал, но было поздно!

Я вышел из реанимации, сел в машину. Ко мне подошел главный врач, ни соболезнования, ничего, и спросил: «И что вы теперь будете делать?» У меня одна просьба, сказал я, сейчас у меня на глазах убили мою маму. Уберите терапевта, которого вы поставили дежурить

в реанимацию, который не может даже интубировать. Потому что на моем месте сегодня может оказаться любой, который потом так же будет сидеть на лавочке и плакать. Он развернулся и ушел.

На следующий день я написал заявления в прокуратуру, СКР и на сайт президента».

Купить дождевик из Fix Price и не умереть

С первым заявителем, врачом-реаниматологом того злополучного отделения анестезиологии-реанимации, разговор состоялся, когда тот был на карантине. Мы говорили по видеочату Google Duo. Доктор назвал свое полное имя, показал паспортный разворот, диплом врача и трудовой договор. Уже рассказав о многих безобразиях, он спросил, нельзя ли не называть его имя. Георгиевск — округ небольшой, население около 200 тысяч, а все местные медучреждения — скорая помощь, поликлиники — входят в струк-

туру ЦРБ. Если попадешь в черный список, то придется уезжать. Поэтому пусть он будет Василием Васильевичем.

— В конце апреля к нам в реанимацию поступила женщина, вроде у нее был ковид, хотя точно не знаю, нам, врачам, теперь не говорят. Но потом диагноз подтвердили, и по постановлению Роспотребнадзора нас закрыли на две недели, — объяснил он, почему сидит дома, а не на работе.

Это уже второй карантин в отделении реанимации, первый был в апреле. 7-го числа из отделения, где лежали пациенты с подозрением на ковид, поступила женщина С., 48 лет. А 10 апреля пришел результат теста — положительный. За эти три дня с ней контактировали все сотрудники реанимации, и все они были без защиты.

— Без защиты — это значит даже без маски. У нас была только обычная медицинская форма, — уточняет Василий Васильевич.

Вскоре сотрудники реанимации начали болеть. В каждый наш разговор Василий Васильевич рассказывал, кто из

«СЕЙЧАС У МЕНЯ УБИЛИ МАМУ»



коллег заболел, кто выздоровел. К 20-му числам мая коронавирусом переболели все сотрудники отделения, включая его самого.

Из-за нехватки СИЗ местные реаниматологи даже прославились. Во время первого карантина в отделении изолировали двух врачей, пять медсестер и санитарку. Они должны были долечивать оставшихся там неинфекционных пациентов (с инсультом и т.п.), подключенных к аппаратам ИВЛ. По словам одного из медиков, они просили у руководства больницы средства защиты, но на 14 дней им выдали на всех 10 масок «с клювом», одноразовые шапочки и хирургические костюмы. «У него были такие поры, в которые самолет пролетит, не то что коронавирус», — сказал он.

Один из докторов вел эфир в Instagram, рассказывал, что нет средств защиты, что, несмотря на карантин, они принимают больных с подозрением на ковид. Репортажи из реанимации вызвали шок жителей Георгиевска. Люди стали приносить средства защиты и гигиены. Ресторан «Юбилейный» каждый день привозил обеды, кафе «Наutilus» — ужины. Один из горожан пожертвовал канистру спирта для обработки помещения. Вместо костюмов с порами коллеги принесли шапочки для душа и дождевики из Fix Price.

Реаниматологи надевали дождевики, заматывали скотчем открытые места, по одному заходили в палату, занимались пациентами. Когда выходили, обрабатывались спиртом сами и обрабатывали помещение.

«Одним глазком посмотрите, в каких условиях находятся наши врачи и больные... необходимых для лечения препаратов НЕТ, в качестве средств защиты у медперсонала — дождевики, обмотанные вокруг тела скотчем!!!! Как такое возможно?????!!!!» — написала пользовательница zaginabogatyeva губернатору края.

«Медицинские учреждения края полностью обеспечены средствами индивидуальной защиты», — ответил ей пользователь @stavregion — официальный аккаунт правительства Ставрополя.

«...Спирт в опрыскиватели для цветов сливают и обрабатываются. Это называ-

Дождевики из Fix Price

ется «все подготовили». Каждый день смотрю прямой эфир одного из врачей. 14 дней был на карантине в больнице, вышел позавчера, а вчера сам свалился», — переживает пользователь [olgapetrukhina](#).

После этого карантина из отделения уволилась старшая медсестра. Всего за последние два с половиной месяца с работы ушли семь медсестер. Некоторые уехали в Москву со словами, что там хоть деньги дадут и «защитой» обеспечат.

Изучив закупки Георгиевской ЦРБ в 2020 году, я поинтересовалась у Василия Васильевича, сколько перчаток в сутки получает лично он. Судя по информации на сайте госзакупок, если маски ЦРБ закупила лишь однажды — 30 марта главврач заключил контракт на покупку 315 масок медицинских нестерильных одноразовых с классом защиты FFP2 на сумму 71 820 рублей, — то перчатки с начала года закупились четыре раза на сумму почти в 4,5 миллиона рублей. Это десятки тысяч перчаток!

Он ответил, что ему лично не дают, что их получает старшая медсестра — 10–15 пар на всех.

Доктор идет назад в «чистую» зону, машет рукой на стол:

— Здесь должен быть медицинский дезинфектор, который обработал бы меня после выхода из «грязной зоны», но у нас их нет. Если бы нам даже дали скафандр, как у Гагарина, не было бы смысла его надевать — у нас нет санпропускника, где его можно снять и почистить. В общем, фикция и бессмысленное бытие!

Но почему вообще в нарушение СанПиН больные из ковидного отделения поступают в общую реанимацию?

— Потому что при организации этого отделения на базе терапевтического корпуса не создали реанимацию для тяжелых больных, — объяснил Василий Васильевич. По его словам, хотя больница получила финансирование, у нее просто не было ресурсов для создания реанимационной палаты.

В тот момент на рынке было невозможно купить аппараты ИВЛ, а в больнице из примерно 40 имевшихся аппаратов больше 30 составляли морально устаревшие аппараты «Фаза-5» производства

карантин. Зачем это сделали, если тест не подтвержден — непонятно. Зачем анализ на COVID-19 направлен в Новосибирск — неизвестно, ведь предварительные результаты тестов подтверждали в противочумном институте ставропольского Роспотребнадзора, недоумевали журналисты.

В 20-х числах мая то же издание замечает, что с краевой карты Роспотребнадзора среди прочих исчезло несколько случаев смерти в Георгиевске.

Изменения статистики за стенами больницы странным образом коррелируют с манипуляциями внутри нее. Как раз после смерти больной из села Новозаведенного и закрытия реанимации на карантин в ЦРБ стали запрещать врачам ставить диагноз «ковид».

По словам Василия Васильевича, большинство врачей, особенно молодых совместителей из других районов, соглашались. Вместо коронавирусной пневмонии они ставили такие диагнозы, как ОРВИ и трахеобронхит, ОРВИ и пневмония. «Все молодые доктора прогибаются и не пишут ковид», — говорит мой собеседник.

Слова Василия Васильевича подтвердил и другой медик из Георгиевской ЦРБ, который также слышал подобное указание. Его имя и фамилия, документы, подтверждающие его причастность к больнице, имеются в редакции.

Для понимания ситуации нужно знать еще вот что. Экстренное извещение обычно подается в Роспотребнадзор для проведения санитарно-эпидемиологического расследования в отношении пациента, у которого подозревают COVID-19 или уже подтвердили диагноз. В дневное время его подает замглавврача по санэпидрежиму, ночью — дежурный врач, поставивший диагноз. Он же обязан отправить мазки на коронавирус. По словам обоих врачей, чаще результаты приходят отрицательные.

После первого карантина заболеваемость коронавирусом снизилась, хотя в крае она, наоборот, только росла. По наблюдениям Василия Васильевича, случаев заболевания на самом деле гораздо больше, чем показывает официальная статистика. На эту мысль его наводит аномальное количество вирусных пневмоний.

— На моей памяти среди умерших уже человек пять с этим диагнозом. Две женщины, 66 и 73 лет, жили на одной улице, и обе с двусторонними пневмониями. Врач-нарколог из нашей поликлиники, тоже двусторонняя пневмония, поступил уже умирающим. К стати, он был контактным с первой пациенткой С., у которой подтвержден коронавирус. Я видел его рентгеновский снимок: COVID-19 на нем не увидишь, но были изменения легочной ткани, позволяющие его предположить. Я видел снимки всех пятерых умерших: махровая двухсторонняя пневмония.

По его словам, в апреле-мае пневмоний обычно не бывает, это экстраординарное событие — как правило, на фоне ВИЧ. А здесь уже пять умерших, причем результаты тестов у всех — отрицательные.

Василий Васильевич не доверяет им, потому что всеми вопросами, связанными с тестированием, занимается замглавврача по санэпидрежиму, призывавшая врачей не ставить ковид. Обеспечить отрицательный результат — не проблема: достаточно подержать мазки час без холодильника — все вирусы погибнут.

Следователей тоже закрыли

25 мая из редакции газеты «Георгиевская округа», выполняющей функции управления информационной и аналитической работы администрации Георгиевского городского округа, пришел ответ на запрос «Новой» от имени главврача ЦРБ А.Ю. Каспарова, правда в формате Word — без печати и подписи. Точно такой же документ, слово в слово, нам прислали и из минздрава Ставропольского края.

СИЗы имеются в достаточном количестве, все отделения получают их по мере необходимости по заявкам, в том числе отделение анестезиологии-реанимации, «указанные в обращении заявителей факты недостатка СИЗов и нарушения эпидрежима являются не соответствующими действительности», — говорилось в сообщении.

И действительно, к этому времени в отделении реанимации были устранены почти все недостатки, о которых написал в начале мая Василий Васильевич. В ковидный корпус провели кислород для подключения аппаратов ИВЛ, создав наконец работоспособное отделение реанимации: договор на «монтаж системы кислородоснабжения для централизованной системы подачи кислорода» главврач ЦРБ Каспаров заключил 19 мая.

В конце месяца Василий Васильевич провел очередную видеозаписку по отделению, показав, какой сделали санпропускник: в коридоре установили две двери, соединив пространство между ними с душем и раздевалкой. Он продемонстрировал и респираторы all face, поставленные местными мейкерами. «Ребята взяли обычные строительные респираторы, сделали переходничок, а к нему привинтили медицинский фильтр!»

— И нам все заплатили: деньги на карту поступили ночью 8 мая, а потом еще 17-го.

Активность в устранении нарушений и долгов он связывает с уголовным делом, грозящим главному врачу из-за смерти пациентки. Уголовное дело по ч. 2 ст. 109 УК по факту смерти больной Чекалиной возбуждено 8 мая.

Обстоятельства сложились так, что после похорон женщины самого Сергея, следователей и свидетелей по постановлению Роспотребнадзора на две недели отправили на изоляцию. Несмотря на то что у Чекалиной подозревали ковид, тело выдали в открытом гробу. На похоронах присутствовали более 50 человек. На следующий день пришли результаты теста, которые оказались положительными и у Сергея, и у его матери. Как оказалось, на похоронах заразились еще несколько человек. Роспотребнадзор выдал постановление на изоляцию всем, кто контактировал с Сергеем. Закрыли всех, кроме главного врача, его заместителей и врачей, проводивших операцию его матери.

Сейчас сотрудники ЦРБ гадают, предъявят ли обвинение главному врачу или сделают крайними тех, кто оперировал женщину. В разговоре со мной Сергей Кандауров подтвердил, что «оформлен терапевтом», отказавшись отвечать на другие вопросы. ЛОР-врач Русаев сказал, что не может говорить на такие темы по телефону.

В больнице строят разные версии и задают разные вопросы.

● Кто виноват, что отделение реаниматологии не закрыли на карантин и оно продолжало работать?

● Кто направил терапевта в качестве дежурного реаниматолога?

● Почему Роспотребнадзор отправил в изоляцию всех, кроме главного врача и его команды, хотя те много контактировали с Сергеем?

● Чьи действия привели к заражению людей на похоронах?

● А самое главное, кто виноват в том, что штатные реаниматологи ушли на карантин и заболели, кто не обеспечил их средствами защиты?

Татьяна ЮРАСОВА — специально для «Новой»

НА ГЛАЗАХ

— Но ведь по СанПиН перчатки надо менять после каждого пациента?

— Побойтесь бога, какой СанПиН?

После первого карантина заведующая отделением реанимации подала рапорт главному врачу ЦРБ. Из-за нехватки СИЗ и отсутствия зонирования реанимации на «чистую» и «грязную» зоны ситуация может повториться, передал суть Василий Васильевич, читавший документ.

Что такое зонирование, точнее, его отсутствие — я узнала из видеозаписки по отделению, которую вскоре провел доктор. Мне стало понятно, как в ЦРБ относились к санитарным нормам и правилам и почему коронавирусу открыты пути в отделение общей реанимации, туда, где лежат дети, беременные женщины и другие пациенты с неинфекционными патологиями. Меня уже не удивляло, что ситуация с карантинном повторилась.

Бессмысленное бытие в скафандре Гагарина

Через несколько дней после первого разговора Василий Васильевич вышел на работу. В минуту затишья он, в обычной медицинской форме и без маски, прошел по отделению с включенной камерой смартфона.

— Вот здесь мы переодеваемся, вот ординаторская — здесь мы работаем, едим, отдыхаем. А вот здесь, — он показывает на дверь, — раньше была раздевалка, а сейчас сделали палату для больных с общей патологией, сегодня у нас восемь человек, не будем их тревожить, ладно?

Он идет по длинному коридору. Доходит до стола, на котором стоит флакон с диспенсером, рядом — стойка, на ней простыня, рядом висит синий балахон. По замыслу, это что-то вроде КПП. За ним метра через полтора-два проход по коридору преграждает обычная межсекционная дверь.

— Вот как выглядит наш «шлюз», — он трогает дверь, она с легкостью открывается, между ней и полом видна щель. За дверью — «грязная зона». С левой стороны коридора идут двери — за одной из них «ковидная палата». — Не будем туда заходить, ладно?

Три пациента с ковид лечились в 10 метрах от палаты обычной реанимации, и все это было соединено общим коридором без санпропускников!

1991 года — те самые, которые поразили Сергея Чекалина и краевого реаниматолога. Но самое главное, что в больнице не было реаниматологов. Даже общее отделение реанимации было укомплектовано наполовину: по нормативам в нем должно работать 28 медсестер и 14 врачей, анестезиологов и реаниматологов, а де-факто в отделении работали 10 медсестер и 7 врачей, приходилось привлекать внешних совместителей. Резервов для работы в новом отделении просто не было.

Тем не менее считалось, что ковидное отделение полностью создано и функционирует. Если пациенту с подтвержденным диагнозом становилось плохо, его отправляли в краевую больницу в Ставрополь — это около 200 км от Георгиевска. Если начинал задыхаться пациент с неподтвержденным диагнозом, то его помещали в специальную палату в общей реанимации — в 10 метрах по коридору от палаты с неинфекционными больными. Однако после первого карантина позиция руководства больницы изменилась — врачам стали настойчиво рекомендовать не указывать в качестве диагноза COVID-19.

Сезон пневмоний с летальным исходом

10 апреля председатель думы Георгиевского городского округа Александр Стрельников опубликовал на своей странице в Instagram сообщение о смерти жительницы села Новозаведенного. «Тесты подтвердили наличие коронавируса», — написал он. Однако вскоре пост удалили, а вместо него появилось новое сообщение, что официальную информацию о причинах смерти пациентки опубликуют позже. «Информация уточняется», — объяснил он коллегам-депутатам, которых тоже попросил удалить известие со своих страниц. На вопросы коллег, что за информация, глава ответил, что постоянно «всплывают» все новые факты об имевшихся у умершей хронических заболеваниях, например астме. Также он сообщил им, что «результаты тестирования на COVID не подтверждены. Тест направлен в Новосибирск». Скриншоты переписки из депутатского чата георгиевской окружной думы 14 апреля опубликовало издание «Блокнот Ставрополь».

Жительница села Новозаведенного — та самая больная С., после смерти которой реанимацию закрыли на первый

маневры

ШАТКИЙ
СГОВОР

Почему ОПЕК не сможет долго удерживать высокие цены на нефть

В марте 2020 года мировой нефтяной рынок пережил беспрецедентные потрясения, преодолеть которые удалось только ценой значительного сокращения добычи в рамках сделки ОПЕК+. Острота проблемы была снята, однако по мере балансировки рынка обострились и противоречия внутри картеля. Как долго продержится сделка — будет зависеть и от переговоров ее участников.

Первое событие в этой цепочке очень ярко освещалось в русскоязычной прессе: Россия громко отказалась продлить ранее действующую сделку ОПЕК+. Можно долго спорить о правильности или ошибочности этого решения (есть очень много и стратегических, и тактических аргументов за и против; настолько много, что их обсуждение тянет на серьезное исследование).

Тем не менее абсолютно прозрачным следствием этого решения стало начало ценовой войны с ведущим участником ОПЕК — Королевством Саудовская Аравия (КСА). Именно ценовая война, развязанная КСА в самом начале мая 2020 года, и определила резкое падение цен на российскую нефть: КСА агрессивно предлагала скидки на сорта нефти, которые напрямую конкурировали с российским сортом Urals.

Именно эти действия КСА и определили первое падение цен. Это падение очень ярко освещалось и российской, и мировой прессой. В нем обвиняли руководителя крупной российской нефтяной компании («Роснефти». — **Ред.**), которая якобы и была лоббистом разрыва сделки ОПЕК+.

Однако очень скоро нефтяной рынок столкнулся с обвалом, связанным с падением спроса на нефть из-за массового введения карантинных мер против коронавируса как в США, так и в Европе. Падение было очень масштабным и почти одновременным.

На пике падения избыток предложения нефти составлял более 20%. Это огромная величина: и в 1986 году, и в 2014-м дисбаланс составлял 3,5–4%. И тогда это вызвало снижение цен примерно в четыре раза.

На этом фоне падение спроса на нефть 20% выглядело совершенно катастрофичным. Беспрецедентное снижение спроса и цен заставило сесть за стол переговоров всех нефтеэкспортеров, вне зависимости от их позиции накануне резкого падения спроса на нефть.

Сокращать пришлось около 20% добычи, что само по себе тоже беспрецедентно. Тем не менее именно эти действия привели к балансировке нефтяного рынка и стабилизации цен.

Цены выросли, что отчасти было обусловлено сокращением добычи, отчасти — восстановлением спроса вследствие смягчения карантинных мер. Острота падения доходов федерального бюджета РФ была несколько сглажена, в том числе и «животворящей» девальвацией рубля.

Вопрос о том, какова роль именно сокращения добычи, а какова — роста экономической активности в нормали-

зации цен, остается открытым. Одно вне сомнений: прекращение ценовой войны между РФ и КСА как необходимое условие сделки ОПЕК+ сыграло очень большую роль в балансировке рынка.

Но по мере стабилизации цен обострилась и традиционная проблема всех картелей — дисциплина их участников. По мере роста цены соблазн превысить согласованную квоту тоже растет. Начинается превышение квот. Грешат этим и члены ОПЕК (Ирак, Ангола, Габон) и не члены (Россия, Казахстан, Азербайджан).

Естественно, несоблюдение квот вызывает раздражение у тех, кто их соблюдает. И прежде всего — у КСА. Повторился сценарий начала 1980-х: тогда тоже участники ОПЕК превышали свои квоты, а КСА усиленно сокращало добычу, пытаясь поддержать цену. Интересно заметить, что СССР в то время усиленно наращивал добычу (пик добычи нефти пришелся на 1987 год).

«ОСТРОТА ПАДЕНИЯ ДОХОДОВ БЮДЖЕТА БЫЛА СГЛАЖЕНА ЖИВОТВОРЯЩЕЙ ДЕВАЛЬВАЦИЕЙ РУБЛЯ»

Это продолжалось довольно долго: нефтеэкспортеры превышали квоты, а КСА сокращало добычу, теряя долю рынка и поддерживая цены. В конце концов терпение королевства лопнуло, и в сентябре 1985 года министр нефти КСА Ахмед Ямани объявил об отказе от ограничения нефтедобычи. Цены рухнули, что и послужило одной из причин «перестройки», а впоследствии и распада СССР. Именно память о драматических последствиях тех лет заставила РФ присоединиться к сделке ОПЕК+.

Но как бы хорошо ни соблюдались сделка, картель с большим числом участников априори является неустойчивым. Распад его неизбежен, интрига — только во времени.

И было бы здорово, чтобы он продержался как минимум до создания вакцины и массовой вакцинации. Иначе мартовский сценарий на нефтяном рынке имеет высокие шансы повториться.

Сергей ХЕСТАНОВ, специально для «Новой»



МАСКИ

ЦИК подготовил россиянам «эксклюзивную вещь»

Общероссийское голосование о поправках в Конституцию — «не выборы, это эксклюзивная, действительно уникальная вещь». Такое заявление сделала в ходе заседания о процедуре голосования глава Центризбиркома Элла Памфилова. Реплика была адресована экспертам, которые высказывали свои замечания по мерам, которые принимаются в дни голосования, формально для того, чтобы обеспечить безопасность людей в условиях распространения коронавируса. По словам председателя ЦИК, «у некоторых, особенно наших матерых экспертов, голова забита стереотипами, связанными с процедурами, которые применяются на выборах». Поэтому голосовать за поправки жителям России будет предложено без «стереотипов»: надомное голосование без обязательного наличия уважительных на то причин, пакетик с бланком на дверной ручке и данные паспорта, которые будут рассматривать на расстоянии двух метров. Корреспондент «Новой» обсудила с сопредседателем «Голоса» Григорием МЕЛЬКОНЬЯНЦЕМ главные проблемы предстоящего голосования.



Меры на избирательных участках

При подходе к избирательному участку придется проголосовать бесконтактно: измерят температуру, выдадут медицинскую маску, перчатки, индивидуальную ручку. При входе в участок человек ступит на дезинфицирующий коврик. Однако даже если у «очень активного» человека, как сказала Элла Памфилова, выявят повышенную температуру — его пустят проголосовать. Правда, еще вызовут скорую помощь, но тем не менее для него будет предусмотрено отдельное изолированное помещение.

На участке для голосования ежедневно будут находиться не более 8–12 человек. Эксперты высказывали опасения, что ограничения на вход в участок могут повлечь за собой очереди еще на улице, где контролировать соблюдение социальной дистанции труднее.

Среди новых мер также следующее условие: показывать паспорт членам комиссии можно будет только на расстоянии двух метров. Для идентификации личности попросят приспустить маску. Кабинка для голосования будет стоять таким образом, чтобы не понадобились шторки, которых в этот раз не будет.

— Я не эпидемиолог, но я практик и знаю, как не исполняются предписания, которые делаются избирательными комиссиями. Это все красивые слова на презентации, — рассказывает «Новой» сопредседатель движения в защиту прав избирателей «Голос» Григорий Мельконьянц. — В любом случае голосующему гражданину будет необходимо приблизиться к члену комиссии и поставить подпись, а на расстоянии двух метров это невозможно. Опасение также вызывает скопление людей до помещения для голосования (то есть фактически очередь к пункту, где будут выдавать маски и санитайзеры). Или санитарная ежедневная обработка помещений, когда всех оттуда будут выпроваживать. С трудом верится, что каждый час на десять минут голосование будет останавливаться, все будут выходить, а председателю комиссии будет поручено оберегать ящики для голосования. Тут еще появляется риск

того, что этот момент будет использован для фальсификаций, когда всех выгонят и останется один председатель с людьми, которые будут проводить дезинфекцию.

Вопрос хранения документации в течение всех семи дней голосования вызывает довольно много опасений, поскольку, как заявила Элла Памфилова, по окончании каждого дня все ящики будут опечатываться в присутствии членов комиссий и наблюдателей. А вот что потом с ними будет происходить, будут ли наблюдатели и ночью следить за сохранностью ящиков — пока неизвестно. Глава ЦИК заявила, что процедура будет «жестко предусмотрена».

Голосование на дому, «придомовых территориях» и в интернете

До основного дня, 1 июля, на протяжении шести дней голосование будет проходить в том числе на придомовых территориях. «Например, это большой многоквартирный дом, — поясняет Элла Памфилова. — Ну не могут [избиратели] оставить маленьких детей. На основе обзвона нашей комиссии подаются заявки. Если видят [члены комиссии], что набирается достаточно количество заявок, — по договоренности во дворе могут организовать такое голосование. Или сельская местность: много пожилых людей, активные граждане хотят голосовать, но нет поблизости избирательного участка. Тогда подъезжает специально оборудованный автобус. [...] Это все обязательно сопровождается наблюдателями».

В обычных, докарантинных, условиях голосование на дому было возможно только при наличии уважительной причины: например, если человек не может прийти на участок по состоянию здоровья. Теперь же проголосовать дома можно будет просто так, «по тем или иным причинам», при этом даже не понадобится писать специальное заявление. Комиссия проводит обзвон избирателей и договаривается с человеком, который просит, чтобы к нему пришли в удобный для него день. Члены избирательной комиссии и наблюдатель (как отмечается,

навстречу урнам

ПРИСПУЩЕНЫ



ВАМ ПАКЕТ

FIZZZ



Автор сюжета неизвестен. Приглашаем за гонораром. Если никто не объявится, автором сюжета будем считать народ

все — «в легких халатах») звонят в дверь голосующему, затем дезинфицируют дверь, ручку двери, звонок, ставят возле двери ящик для голосования и отходят на два метра. На ручку вешается полиэтиленовый пакет, внутри которого: бюллетень, бумага о том, что голосующий получил этот бюллетень, маска, перчатки и средство для дезинфекции. Человек открывает дверь, с порога на расстоянии двух метров показывает паспорт, забирает пакетик и уходит к себе. После этого дверь снова открывается, и бюллетень кладется в ящик для голосования.

Мельконьянц отмечает, что уже изначально нарушена процедура голосования, так как голосующий сразу же получает два документа: бюллетень и подтверждение того, что этот бюллетень выдан. В обычных условиях получение бюллетеня невозмож-

но без подписанной вначале бумаги о том, что бюллетень выдан.

— Кроме того, непонятно, сам ли гражданин будет голосовать, поскольку отсутствует тайна голосования. — Мельконьянц отмечает, что наблюдатель и члены комиссии не видят, что в этот момент происходит в квартире. — А если из квартиры поступило три-четыре заявки на надомное голосование? Соответственно, есть риск

того, что глава семейства будет заполнять все эти бюллетени за своих родственников.

То, что происходит в квартире, оказывается ли кто-то на человека давление — достоверно невозможно проконтролировать и во время электронного голосования. Опыт нескольких районов Москвы на выборах в Мосгордуму было решено распространить в этот раз на всю Москву и Нижегородскую область. Остальным ре-

гионам, подавшим заявки на проведение такого типа голосования, было отказано из-за отсутствия технических возможностей. Министр цифрового развития Максуд Шадаев заявил, что электронное голосование будет организовано на базе тех же технологий, что и на выборах в Мосгордуму.

Напомним, что эти выборы были отмечены неоднократными сбоями в день голосования — некоторым избирателям пришлось по несколько часов дожидаться выдачи электронного бюллетеня, система не работала в общей сложности на протяжении трех часов. При этом на онлайн-участках с большим отрывом победу одерживали провластные кандидаты. В том числе в округе самовыдвиженца Романа Юнемана: на обычных избирательных участках он заметно опережал ближайшего оппонента, а на электронных получил результат практически в два раза меньше. Юнеман даже требовал через суд отменить результаты голосования на электронных участках из-за сбоев в работе системы, но получил отказ от Чергановского районного суда.

На официальном сайте мэрии приведены данные, что к утру 6 июня на участие в электронном голосовании подали заявки более 65 тысяч человек.

Без агитации «против»

2 июня организаторы кампании «НЕТ», которые выступают против внесения поправок в Конституцию, направили письмо в Центризбирком с просьбой предоставить им эфирное время и место в СМИ для проведения агитации «против» внесения поправок. Однако член ЦИК Майя Гришина категорично заявила, что такой агитации быть не может, а возможно только информирование о голосовании, чем ЦИК и так занимается: «Информирование о проведении голосования по поправкам возложено на избирательные комиссии и на СМИ», — заявила Гришина.

5 июня представители партии КПрФ выступили с заявлением, что будут агитировать голосовать против поправок в Конституцию, в том числе через свои средства массовой информации. Зампред партии Дмитрий Новиков в интервью Insider рассказал о том, что в понедельник, 8 июня, региональные партийные организации будут обсуждать способы агитации: «Решения, которые принял президиум, согласовываются с регионами, и теперь мы посоветуемся с ними, как вести политическую и пропагандистскую работу. [...] У нас своя сеть средств массовой информации: печатные СМИ, партийное телевидение, социальные сети, официальные сайты. Весь этот механизм мы будем использовать для того, чтобы донести свою позицию. Кроме того, мы будем проводить массовые акции, пикеты, митинги, индивидуальную работу с избирателями по месту жительства, использовать методику «от дома к дому» и «от подъезда к подъезду».

Григорий Мельконьянц пояснил «Новой», что то, чем собирается заниматься КПрФ, законом не запрещено, так как агитацию «за» или «против» вправе вести любой гражданин — все, кроме избирательной комиссии:

— За свободу выражения мнения никакой ответственности не предусмотрено: как за агитацию «за», так и «против». Но если мы видим, что государственные комиссии занимаются не информированием, а агитацией — это нарушение закона, потому что это нецелевое использование бюджетных средств. Для граждан же эти законодательные ограничения не работают. Поэтому «Голос» выпустил призыв к гражданам проводить свободную агитацию, чтобы в обществе началась дискуссия. Так как очевидно, что избирательная комиссия злоупотребляет своими полномочиями.

Татьяна ВАСИЛЬЧУК,
«Новая»



ПОКАЗЫВАТЬ ПАСПОРТА ЧЛЕНАМ КОМИССИИ МОЖНО БУДЕТ ТОЛЬКО НА РАССТОЯНИИ ДВУХ МЕТРОВ

СУВЕРЕННАЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЯ

ПИСЬМО
из редакцииКирилл МАРТЫНОВ,
редактор отдела политики

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Вы заметили, что происходит нечто странное? Число официально диагностированных случаев коронавируса к началу июня России не опускается ниже 8 тысяч ежедневно. В апреле такие цифры обозначались властями как смертельно опасные, они стали основанием для введения, пускай и на бумаге, строжайшего карантина и отмены всех публичных мероприятий. Теперь при том же эпидемиологическом фоне нам говорят, что опасность в целом миновала и можно возвращаться к повседневной российской жизни, а именно — к параду и бессмысленным с точки зрения закона пиар-акциям в поддержку новой Конституции. И разве только без парикмахерских и ресторанов пока придется обойтись: обедать — это же не Родину любить.

И вот в Москве, этой «столице эпидемии», лохматые граждане, забывшие, как держать в руках вилку с ножом (а также как носить пиджаки и брюки), 1 июля должны будут прийти на «придомовые и иные территории», чтобы там волеизъявиться по вопросу обновления. Медицинскими чиновниками еще в апреле это было бы названо чистым безумием, а теперь «вопрос дозрел» без явного рационального обоснования и времени на раскачку нет. Кажется, что по чисто политическим (срочно нужна новая Конституция и высокий рейтинг) и немного экономическим причинам (самоизолированным уже очень хочется кушать) россиянам приказано не обращать внимания на коронавирус.

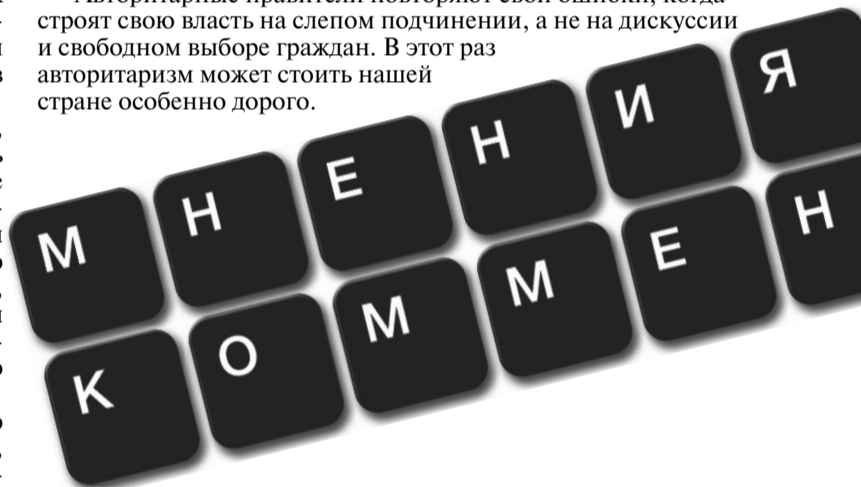
Эпидемия в России вроде бы не нарастает по экспоненте (это прекрасная новость), но при этом, по официальным данным, никуда и не уходит. Для сравнения: в Испании, пораженной ко-

ронавирусом больше прочих стран Европейского союза, пик числа новых зараженных пришелся на 26 марта (8200 случаев), а к 5 июня в результате действий властей и ответственного поведения граждан этот показатель сократился более чем в 20 раз — до 318 случаев. То же самое происходит в других европейских странах, где карантин действительно работал.

Объяснить такие отклонения нашей статистики можно, если предположить, что особенно на ранних этапах развития эпидемии число зараженных систематически занижалось (не диагностировалось). Тем, что в российских учреждениях закрытого типа за много веков сложились идеальные условия для распространения любых инфекций. А еще тем, что на карантин можно посадить только тот народ, который доверяет своим властям и понимает, ради какого общего блага нужно пожертвовать личной свободой, — явно не совсем наш случай.

В общем, в Кремле вновь решили двинуть Россию особым путем. Поскольку высшее решение о нормализации ситуации к 1 июня принято, то профильным ведомствам и региональным властям не остается ничего иного, как взять под козырек и подтверждать, что все в порядке и все нормализуется. Даже в Москве уже никакого карантина нет — от него остались только цифровые пропуска. Невозможно одновременно заявлять, что будет парад и голосование за Конституцию, и призывать граждан посидеть еще немного дома. Возможно, в самой драматической позиции здесь находится мэр Москвы Сергей Собянин, который, с одной стороны, вновь и вновь напоминает, что открывать город для нормальной жизни пока преждевременно и спорит в этом с Роспотребнадзором, где утверждают, что уже «все готово», а с другой — вынужден делать заявления, что вот-вот, где-то за неделю до парада, все наладится.

Авторитарные правители повторяют свои ошибки, когда строят свою власть на слепом подчинении, а не на дискуссии и свободном выборе граждан. В этот раз авторитаризм может стоить нашей стране особенно дорого.

прикладная
антропология

ВИРУС КАК СУБЪЕКТ

Коронавирус наносит мощный удар по «обществу масс», которое было блестяще предсказано Хосе Артегой-и-Гассетом в 1929 году. «Человек массы», по мысли этого испанского философа (развитой затем всей философией XX века), чужд творчеству и познанию, он

чеким (в том числе и личным) событием лишь тогда, когда появляется Субъект, осмысливающий ее изнутри именно так и (согласно Бадью) «сохраняющий верность событию», не отказывающийся, не проходящий мимо него.

Осмысливающий (становящийся историческим) Субъект — антоним гассетовского «человека массы», хотя он может рекрутироваться и из нее. Событие с большой буквы всегда несет с собой и в себе зародыши новых субъектов.

Сейчас мы видим, как на арену выходят субъекты, раньше бывшие только объектами чужой манипуляции, — например, Врачи, проснувшиеся не только для того, чтобы бороться с эпидемией, но и чтобы сказать после победы над ней свое слово, которое Власть уже не сможет игно-

шинству из них. Это может изменить — в зависимости от продолжения истории — всю конфигурацию власти в стране, хотя Власть, вероятно, будет этому по инерции сопротивляться.

Бывшие субъекты, не сумевшие по своей неэффективности или нерешительности внести ожидавшийся от них вклад в победу, могут уйти в тень, хотя будут, конечно, еще бороться за место под солнцем. Новых субъектов окажется много, и порой неожиданных, — например, таковыми могут стать НКО или разносчики еды. Особо скажем о сфере медиа и журналистике, где прежние «короли экрана», на самом деле сами давно превратившиеся из субъектов в объекты манипуляции, могут поменяться местами с теми, кого они совсем недавно называли маргиналами и неудачниками.

Заметность новых субъектов «после» будет зависеть, разумеется, от их способности объединяться и сохранять единство, чему Власть, опять же, будет противодействовать.

Почему противодействовать? Из нежелания менять общественный договор и включать в него проснувшихся Субъектов. Общественный договор складывается не из законов, в изобилии принимаемых безумной Думой — они-то как раз есть противодействие новому общественному договору, — а как равнодействующая взаимных ожиданий настоящих (в отличие от Думы) активных субъектов настоящей, публичной Политики. Собственно, я призываю всех, у кого есть запал и силы, становиться Субъектами, вылезать из уютной «массы» на историческую арену и участвовать (мирно!) в пересборке современности.

лишь использует созревшие плоды цивилизации, полагая их «природой», не интересуясь историей и не зная ее. Главное свойство «человека массы» (который при этом может стоять на высоких ступенях социальной лестницы) — это самодовольство, его-то пандемия и сокрушает сегодня прежде всего.

Это далеко не первый такого рода удар, самым мощным (считая с «открытия» Гассета) была Вторая мировая война, заставившая переосмыслить очень многое и в очередной раз «пересобрать современность» (см. мою заметку в № 50). Однако массовый человек, оказавшийся очень живучим, каждый раз так или иначе восстанавливался в своем уютном самодовольстве. Несомненно, оправится он и после пандемии, но число противостоящих ему, так сказать, «не массовых» задумавшихся людей, я думаю, возрастет.

Пандемия есть Событие (с большой буквы) — феномен, чрезвычайно интересовавший философию XX века. Ален Бадью, в частности, отмечал, что всякая новая объективная пертурбация оказывается истори-



вылезать
из уютной
«массы»

рировать, как прежде. Врачей, пожалуй, стоит понимать даже шире, вообще как Экспертов, чья фигура до События была профанирована Властью и задвинута куда-то на задворки как бы за ненадобностью.

Другой фигурой, явно выступившей из тени в ходе борьбы с эпидемией, оказываются Губернаторы и Мэры — не все, но те, которые сумели принять эффективные решения без оглядки на Кремль, что прежде отнюдь не было свойственно боль-

Леонид
НИКИТИНСКИЙ*Победа над
эпидемией
потребуется
пересмотра
общественного
договора* Автор — обозреватель
«Новой»

ПЕВЦЫ ПАНДЕМОНИЯ

Михаил ЭПШТЕЙН*

Как интеллектуалы разогревают насилие

В свое время большевики провозгласили лозунг превращения мировой «империалистической» войны в гражданскую — и преуспели в этом. Россия, ослабленная войной, вверглась в социальный хаос, из которого выдвинулась новая железная диктатура. Боюсь, что нечто похожее происходит сейчас в США, в стране, больше других пострадавшей от пандемии. Нынешняя мировая война — Первая вирусная — опасна не только непредсказуемыми медицинскими, но и социальными осложнениями. Без депрессивно-параноидального опыта последних месяцев — страха, самоизоляции, карантина, миллионов заболевших и сотен тысяч погибших — нынешние протесты, мирные и особенно немирные, не приобрели бы такого масштаба и градуса насилия. Вирус подал заразительный пример — и, выйдя за пределы биосферы, продолжает распространяться уже в социуме как вирус агрессии и паники.

Нельзя не скорбеть о гибели Джорджа

Флойда от полицейского садизма — и в память о нем миллионы людей проводят демонстрации по всему миру. Но кто оплакивает смерть десятков людей, погибших в результате массового разбоя? Таких, как отставной полицейский афроамериканец Дэвид Дорн (David Dorn), убитый мародерами в Сент-Луисе, когда он пытался защитить от них ломбард своих знакомых. Только в Чикаго за последние дни погибло около 20 человек. Кто выступает в защиту десятков тысяч ограбленных, избитых, униженных? Они невиновны в смерти Флойда. Мало того что пандемия

обрела многих на безработицу и разорение, так еще человекоподобные вирусы врываются в созданные ими бизнесы, магазины, рестораны, разрушая и грабя все на своем пути. Выносят кубометрами аппаратуру, крушат студии и галереи. Почему не подымается всемирная волна негодования против этого массового насилия и грабежа? Где демонстрации против нарушения человеческих прав на жизнь и собственность?

Более того, часть интеллигенции прославляет пришествие Хама и его пляску над дымиющимися развалинами. «Но вас, кто меня уничтожит, встречаю приветственным гимном» (В. Брюсов, 1904—1905). Кажется, прогрессивнейшее CNN готово в саморазрушительном экстазе повторить обращение русского поэта к «Грядущим гуннам», поскольку гунны уже успели ворваться и нанести ущерб этому меди-агиганту в Атланте.

«Нью-Йорк Таймс» в рубрике «Мнения» договорилась до призыва вообще распустить полицию, лишит ее государственного финансирования, — пусть на место преступления приходят «социальные работники», «организаторы сообществ» и «медиаторы конфликтов».

«Нью-Йорк Таймс» в рубрике «Мнения» договорилась до призыва вообще распустить полицию, лишит ее государственного финансирования, — пусть на место преступления приходят «социальные работники», «организаторы сообществ» и «медиаторы конфликтов».

Я полагаю, что всем, требующим распустить полицию, нужно предоставить такую возможность — обойтись без нее. И когда в 52-этажный небоскреб газеты на 8-й авеню ворвутся вооруженные толпы грабителей — а там есть чем поживиться, пусть редакция призовет себе на помощь специалистов по мирному разрешению конфликтов.

«Нью-Йорк Таймс» в рубрике «Мнения» договорилась до призыва вообще распустить полицию, лишит ее государственного финансирования, — пусть на место преступления приходят «социальные работники», «организаторы сообществ» и «медиаторы конфликтов».

Какое отношение эти грабители, жадно хватающие телевизоры, компьютеры и кроссовки, имеют к памяти убитого, — кроме того, что он сам в свое время отсидел в Техасе пять лет за вооруженный грабёж? Но разве именно это хотят чувствовать сегодняшние демонстранты — не право на жизнь и собственность, а право на насилие и мародерство?

У тех, кто причастен к российской истории, особенно болезненная память на такое извращение морали и справедливости. Дореволюционное самодержавие было повинно во многих грехах, повесило пять декабристов и сослало несколько сотен «политических» на каторгу. Но пришедший на смену царизму и отомстивший за все его преступления революционный режим убил в тысячи раз больше, десятки или сотни жизней за одну жизнь. У всех, усвоивших опыт XX в., должен выработаться как инстинкт страх перед «тотальным» возмездием, превышающим меру самого злодеяния, умножающим зло, подобно тому, как размножается неживой вирус, попавший в живой организм. Я против того, чтобы невинные расплачивались за несовершенные ими преступления. Я против погромов, поджогов и мародерства, к которому на днях призвал люющую (looting) толпу сенатор Берни Сандерс, следуя знакомой большевистской логике «экспроприрую экспроприаторов». Я против политизации совести, которая осуждает одних убийц и оправдывает других.

Надеюсь, что, по крайней мере, для интеллектуалов, подогревающих и направляющих протест, зловещий опыт XX в. может послужить вакциной против новейшего политического вируса. У исторической памяти есть печальная привилегия — доносить этот опыт, прививать эту вакцину всюду, где начинается эпидемия «праведного насилия». Нельзя позволить пандемии выпустить на свет всех демонов зла и ненависти, а именно такой пандемией мы наблюдаем сегодня на улицах американских городов.

* Автор — философ

ТЕМ, КТО ВЫШЕЛ ИЗ ЕГИПТА

Леонид ГОЗМАН*

Если бы в середине восьмидесятых, в период правления верного сына Коммунистической партии и продолжателя дела Ленина товарища Черненко, мне сказали, что в нашей стране будет открыто называть этого самого Ленина убийцей, читать что хочешь, ездить за границу, апельсины покупать круглый год, я бы, конечно, не поверил. А теперь — пожалуйста. Но — прямо по Чехову — радио избрели, а счастья нет.

Конечно, чего нам еще не хватает? Если с холодной головой посмотреть на ситуацию, то, особенно с учетом нашей истории и традиций, все не так уж плохо. Говорить, да и печатать можно почти все, продавцы и официанты вежливые, цветные телевизоры в свободной продаже. И не убивают — разве что изредка и так, отдельных, особо посажающих. Ну, выборов нет, так их и не было никогда, кроме, может, Учредительного собрания в 1917-м, да пару раз в конце восьмидесятых и в девяностые. Начальники, правда, воруют и оборзели совсем — это да. Ну а раньше что, не так было?

Конечно, в те обкомовские дачи нынешние начальники даже сторожа постесняются поселить, но в сравнении с тем, как жили в то время простые люди, тогдашние резиденции совсем не уступают сегодняшним дворцам. Так что про всеобщее равенство и хоть какие-то понятия у советского начальства — не надо: Жданова с его ромовыми бабами в блокадном Ленинграде забыли? На нынешних вельможах, по крайней мере, крови меньше, чем на тех.

* Автор — политик

Так почему же так противно, почему «не то чтобы тошнит, но вырвет», почему власть — отнюдь не худшая, если сравнивать ее со Сталиным или Грозным, — вызывает отвращение?

А потому, что мы — особенно мое поколение, которое пошло в условиях полной безнадежности, беспросветности советской власти — получили от судьбы удивительный, незаслуженный большинством из нас подарок. Оковы рухнули — совершенно неожиданно. Мы вдохнули другой жизни. Несмотря на бардак (а какие реформы без бардака?), несмотря на трудности, глупость, хаос, у нас было ощущение будущего и была надежда. Мы верили в свою страну, в возможность ее выздоровления, мы гордились тем, как быстро она выходит из рабского состояния.

«что нам делать?»

После семидесяти лет стояния в тупике наш паровоз начал двигаться не в мифическую коммуны (будь она проклята!) — он встал на магистральный путь. И сравниваем мы все не с тем, как жили раньше, а с тем, на что надеялись.

Но судьба обманула нас — не без нашей готовности обмануться, конечно. Она поманила нас иными горизонтами, а потом сказала: живите, мол, как раньше. Даже лучше, чем раньше, много лучше. Но не так, как вы понадеялись. И не будете вы гордиться своей страной, а будете, как поколениями привыкали, стыдиться ее, и будете отправлять детей на Запад, и будете

встречать речи политиков смехом или проклятиями. Вы, если захотите и проявите достаточно ловкости, можете много украсть у своей страны, но вы никогда не будете ее хозяевами.

Вот уже который год мы смотрим на то, как наша страна тонет в зловонной пучине жлобства, мракобесия, тупости. Вопрос сейчас не о следующих выборах и, конечно, не о том, что там у них происходит под ковром, — да пусть совсем перегрызут друг друга. Вопрос, что нам делать. Уезжать, смириться, бороться?

Это каждый решает для себя сам, призывы здесь бессмысленны и бестактны. Надо только понимать, что когда, скоро или не скоро, произойдут радикальные перемены, которые, кстати, не обязательно будут переменами к лучшему, очень многое, если не все, будет зависеть от того, остались ли в стране люди с чувством собственного достоинства, да еще и способные к какому-то, не обязательно политическим, совместным действиям.

Я с большой надеждой смотрю на такие, например, организации, как «Альянс врачей». Значит, надо пытаться сохранять чувство собственного достоинства, что в наших условиях непросто, но возможно. Оно, кстати, не только России нужно, но и в первую очередь нам самим. А людям моего поколения надо еще понять крайне для некоторых неприятную вещь: как бы ни были велики ваши заслуги в прошлом, не стоит претендовать на «руководство массами». Ничего, кроме конфуза, из этого уже не выйдет.

Но главное (это не совет, а просьба) — не опускайте рук. Мы пережили советскую власть — неужели не переживем эту ее жалкую реинкарнацию?

Люди, прошедшие через СССР, — вышедшие из Египта — не имеют права терять надежду.

— **В**от он, моя деточка, — едва заметно гладит пальцами экран смартфона Надежда Голик, мать погибшего Таушанкова. На экране — снимок лица Владимира в гробу.

— А других фото у вас не осталось?

— Только детские. Он последние лет десять не фотографировался. Если в кадр попадал, всегда удалял.

В ночь на первое июня в Екатеринбурге произошло загадочное преступление, совершенное молодым обеспеченным мужчиной. Но еще более необъяснимой стала реакция на него правоохранительных органов.

Поход в магазин

От дома Владимира до промышленно-го магазина «Лео» метров семьсот. Вокруг высотки, почти нет зелени и пространства — настоящие каменные джунгли. Вечером 31 мая Таушанков спокойным шагом вышел из подъезда и направился в сторону магазина. Через несколько минут он зашел внутрь торговой точки. Пара минут — и он выбегает оттуда с четырьмя рулонами обоев в руках. На него нападает неизвестный человек, пытающийся обои отнять. Таушанков чем-то машет, предмет похож на нож. Нападает или обороняется — непонятно.

Что произошло внутри магазина, до сих пор неизвестно. Есть только рассказы сотрудников, которые разнятся между собой. Сразу после события в магазине говорили, что парень схватил обои и выскочил в дверь. В последней версии — что он наносил удары кассирше, дрался с покупателем, оказавшимся сотрудником полиции.

При этом непосредственные свидетели происшествия отправлены в отпуск, подальше от журналистов. В это же время некие анонимные силовики продемонстрировали СМИ запись с наружной камеры наблюдения магазина, где Таушанков машет предположительно ножом. Но нигде не показано записи непосредственно из зала магазина, хотя известно, что эта запись изъята полицией.

Владимир убегает с обоями, его преследуют двое. Камера на подъезде его дома зафиксировала, как он быстрым шагом зашел внутрь, обоев у него уже не было.

Спецоперация

— В семь вечера 31 мая к нам домой приехал оперуполномоченный в штатском, представился Сергеем, — рассказывает Надежда Голик. — Он сообщил, что наш сын совершил разбойное нападение в магазине «Лео», украл обои. Сергей сказал, что видел видео, на котором Вовка махался ножом, что сейчас он находится у себя в квартире и на контакт не идет. Мол, требуется наша помощь. Мы сели в машину, меня просто трясло, я все время спрашивала: «Его теперь посадят?» А Сергей сказал: мол, мы его пробили по базам, нет ни судимости, ни приводов. Возместит ущерб, и дадут, скорее всего, условно. Поэтому я с участием отнеслась к органам; думала, они хотят нам помочь.

Отец семейства Анатолий открыл дверь своим ключом. Как утверждает Надежда, он вошел сам, никто его не хватал и не втягивал. Дверь была заклеена обоями и скотчем изнутри. Видимо, таким образом Владимир пытался не пустить газ в квартиру в случае, если силовики начнут его «выкуривать». Дверь открылась всего на секунду, этого было достаточно, чтобы Таушанков-старший вошел, а сын пшикнул наружу из перцового баллончика. Короткая струя по касательной попала на ухо и частично в глаз мужчине в гражданской одежде. Опер Сергей схватился за голову: «Ой, дурак... Что он делает?! Нарыл стаетей себе!» Дверь захлопнулась, зашемив кусок висящих обоев.

— Я стучала, стучала, — вспоминает Надежда. — Вова, открой дверь! Толя, что вы там делаете? Сын на звонки не отвечал,

а муж был без телефона. В ответ услышала: «Не мешай, мы с сыном разговариваем». Мы затихли, и правда стали слышны их голоса, спокойные, негромкие.

— Володя сидел на табуретке, а я рядом — на диване в комнате, — рассказывает отец. — Его трясло, он почти заикался, но говорил, что оплатил обои и на него напали какие-то бандиты.

Надежда вспомнила, что у сына есть страйкбольное оружие, похожее на настоящее, поэтому на всякий случай предупредила полицию. К слову, после штурма она увидела, что «автомат» так и пылился на полке не распакованный.

— В это время силовики решили, что нужно вызвать СОБР и выломать дверь, — продолжает мать. — Зачем? У меня же тоже есть ключи. У нас у каждого по комплекту. Я думала: Вовку сейчас увезут в тюрьму, а дверь как закрывать? Поехала за ключами. При выходе из подъезда столкнулась с экипированными собровцами, они несли что-то тяжелое. Спросила главного. Объяснила ему, что сейчас ключи привезу, не вырезайте дверь, пожалуйста. Вернулась довольно быстро. Поднимаюсь на лифте, слышу — колотят. Грохот, пыль. Вокруг все черным было от количества силовиков. Я подняла руку с ключами вверх, их кто-то взял. Меня оттеснили подальше от квартиры, и я услышала выстрелы.

Мать и разбитое
пулей зеркало



«ВОКРУГ ВСЕ ЧЕРНЫМ БЫЛО ОТ СИЛОВИКОВ»

Что заставило Росгвардию штурмовать квартиру человека, укравшего обои, и куда теперь пошло следствие

После штурма

В результате действий силовиков 27-летний Владимир погиб. По данным экспертов следственного комитета, во время штурма квартиры Таушанкова росгвардейцы выстрелили семь раз. Были проведены замеры пулевых отверстий и выстраивались возможные траектории полета пуль. По предварительным данным, три из них попали в погибшего, одна — прошла по касательной. Еще три пули застряли в сейф-двери. Их удалось извлечь после того, как внизу двери выпилили отверстие.

Используя металлические стержни и современную аппаратуру, экспертам удалось выяснить, что в момент стрельбы дверь была приоткрыта, а силовики стреляли в проем под углом, находясь на расстоянии около метра от входа в квартиру. Дверь не была сломана, ее открыли ключами.

Также по-прежнему рабочей остается версия, что Таушанков встретил силовиков с ножом и газовым баллончиком. Предварительно утверждается, что стреляли по ногам и в область живота — цели ликвидировать нападавшего не было. Каким образом смертельные ранения пришлись в область груди, пока не объяснено.

После смертоносной спецоперации правоохранительные органы почти на двое суток заняли позицию полного молчания. После того как свердловский омбудсмен написала возмущенное обращение в СК,

пресс-служба Росгвардии озвучила свою версию произошедшего, подчеркнув, что Таушанков был судим за наркоторговлю. Данная информация оказалась неверной. Еще через какое-то время СК обнародовал допрос опера, участвовавшего в штурме. Он рассказывал, что им удалось войти в квартиру, но Таушанков пошел на них с ножом и перцовым баллончиком. Пришлось выскочить. После чего было принято решение о штурме силами СОБРа.

— Никто не заходил в квартиру, — уверенно говорит мать погибшего, когда я показываю ей видео допроса опера. — Нет, не этому парню баллончиком в глаз попало. Этого я помню, он действительно тут был, брал у нас объяснение, участливый такой парень. Но ожог получил другой. И в квартиру никто из них не входил до момента убийства Володи.

После расстрела подозреваемого росгвардейцы уехали, родителей увезли в отдел полиции для дачи показаний. В это время, оставшись наедине с мертвым хозяином квартиры, полицейские провели обыск его жилища. Не пригласив, по словам матери, ни одного понятого.

После обыска родителей привезли обратно. Полицейские ушли, оставив их с телом сына. Таушанков-старший вызвал ритуальную службу. После чего они с матерью вымыли квартиру от крови и вынесли пакеты с мусором. В пакетах лежал окровавленный коврик из коридора, мокрая одежда сына и рваные обои.

— Утром меня вызвали в отдел полиции, дали бумажку на подпись, — рассказывает Надежда Голик. — Я стала читать. В конце что-то типа «учитывая обстоятельства, даю разрешение на проведение обыска без понятых и в наше отсутствие». Я отказалась подписывать документ задним числом. И, кроме того, категорически настаиваю, что разрешение на проведение обыска без нас и понятых я не давала. Девушка эта рассердилась, бумагу швырнула. Но я все равно не подписала. Угрожающей ситуации в момент обыска уже не было, Володя мертвый в коридоре. Поставьте родителей рядом и проводите обыск. Зачем нас увезли?

После штурма в отношении Владимира Таушанкова было посмертно возбуждено уголовное дело о применении насилия к представителям власти.

О сыне

— Я родила Вовку в 33 года, — вспоминает Надежда. — У нас первый ребенок погиб при родах. Меня успели спасти, а его нет. Теперь у нас два свидетельства о смерти.

Он был человеком спокойным и где-то даже равнодушным. Не курил, не пил алкоголь. В детстве много занимался спортом. В последнее время катался на велосипеде и любил ездить на юг. Ему нравилось там, где тепло. В вещах погибшего обнаружили авиабилет, в конце марта он летал в Краснодар. Вернулся из-за карантина, так

Замеры
направления пульВ комнате
Владимира
Таушанкова

он был бы еще там. Работал по интернету. Деньги у него всегда были.

В новую квартиру Володя переезжал с радостью. В прошлом году в июле начал ремонт кухни. Заказал мебель. По словам матери, красиво получалось. Родители помогли деньгами на мебель, остальное он самостоятельно делал.

— Мы с ним выбирали вместе обои, белые, красивые, — говорит мать. — Но клеить их он почему-то не стал. Так и лежат на антресоли. Потом я обнаружила, что он купил другие. Видимо, хотел кухню зонировать. Как увидела недавно, так и ахнула: ты что делаешь? Полный дисбаланс. Но клеил аккуратно, ровно, поэтому я его только похвалила.

Неоднократно в Сети высказывалось мнение, что Таушанков ходил в магазин разбираться по поводу некачественных обоев, потом разозлился, схватил их и вышел.

— Мог ли он ссориться с продавцами из-за этого? Вполне, — уверена Надежда. — У него как-то был опыт некачественной покупки в другом магазине, он писал претензию. То есть он был не из тех людей, которые не способны свое право на качественный товар защитить. Но конкретно про обои он мне ничего не говорил.

— Способен ли был ваш сын совершить асоциальный поступок, который никогда не сделал бы? Испытать себя на возможность выхода из зоны комфорта? — спрашиваю мать.

— Я так и подумала в первую очередь, — неожиданно живо откликается

она. — Несколько лет назад, он еще с нами жил, к нам домой приходили его приятели по школе и вузу. Я слышала, как они обсуждали историю, как однокурник Костя поехал без копейки в чужой город и должен был там продержаться в течение двух дней. Типа это испытание такое было. С Костей они потом как-то понемногу-понемногу и перестали общаться. Мы с отцом не так давно видели бывшего друга сына в трамвае. Он спрашивал, как там Вовка, есть ли у него деньги. На покушать. Вроде да, отвечаем. Ну и хватит, значит... До сих пор не знаем, почему их дружба сошла на нет. Я думаю, сына точно кто-то послал украсть что-нибудь из магазина, совершить нестандартный поступок.

Владимир никогда не фотографировался. Его страниц нет в соцсетях. Около двух лет назад он окончательно замкнулся в себе. Общался только с семьей. У него не было ни девушки, ни друзей. И те, с кем он вчера еще строил какие-то совместные планы, исчезли из его жизни. Со многими Таушанков даже перестал здороваться.

— Пару лет назад мы ездили в Верхотурье. Хорошо там было. Я облилась водой, и так хотелось окунуться в купель, но все не решалась. А сын сказал: «Так окунься, если ты этого хочешь». И я окунулась, вышла из воды, словно обновленная...

Изольда ДРОБИНА, «Новая», Урал
Фото автора

ВЫ СИДИТЕ ДОМА, А «НОВАЯ» ВЫХОДИТ

Редакция «Новой газеты» в Санкт-Петербурге, типография и «Почта России» работают во время карантина.

Нам важно, чтобы вы оставались дома.

Поэтому сейчас самое время оформить подписку на газету. Почтальон доставит ее по вашему адресу. Это не только безопасно, но и дешевле, чем в розницу!

Подпишите себя, родителей, бабушек и дедушек!

С 1 мая вы можете оформить подписку на 6 месяцев — июль — декабрь 2020 года.



Сделайте это онлайн.

Инструкция по подписке на «Новую газету в Санкт-Петербурге» онлайн через сайт «Почты России»:

- 1 В каталоге в профиле «Новой газеты в Санкт-Петербурге» выберите удобный способ доставки, период и адрес получения.
- 2 Перед тем как оплатить заказ, потребуются авторизоваться (для новых пользователей — зарегистрироваться, но это очень просто) на сайте «Почты России».

Инструкция по подписке через мобильное приложение «Почты России»:

- 1 В правом нижнем углу приложения «Почты России» нажмите пункт «Еще» — далее «Подписка на журналы и газеты» — выберите «Новую газету в Санкт-Петербурге» (будьте внимательны, не перепутайте с федеральной версией, это разные издания!)
- 2 Выберите способ доставки.
- 3 Заполните данные получателя (адрес и ФИО) и тип подписки.
- 4 Авторизуйтесь (для новых пользователей — зарегистрируйтесь в приложении).
- 5 Оплатите заказ онлайн.

«НОВАЯ ГАЗЕТА» — УДАЧНОЕ ВЛОЖЕНИЕ В ЦЕННУЮ БУМАГУ!

Очень надеемся, что 2020 год мы проведем вместе, ведь судьба газеты и ее бумажной версии зависит только от вас, наших читателей.

Берегите себя и своих близких!

Близость в изоляции — так назывался бесплатный недельный онлайн-марафон вебинаров, который провели психологи в помощь людям в стрессе.

Марафон затрагивал практически все стороны жизни человека, которому нужно сидеть дома. И вот он дома, но с тем, с кем разругался окончательно.

Или с подростком, требующим свободы. Или совсем один. Каждый день на протяжении семи дней сообщество эмоционально фокусированных терапевтов (СЭФТ) рассказывало своим слушателям, как выходить из кризиса и стресса в разных ситуациях самоизоляции. Марафон стартовал с выступления семейного психолога, директора и соучредителя Центра системной семейной терапии, члена правления СЭФТ Инны ХАМИТОВОЙ. И я прошу ее рассказать о вопросах, которые ей были заданы.



— Мы сейчас все оказались в одной лодке. Жизнь перестала быть предсказуемой, удобной, комфортной и контролируемой. Кто-то потерял работу, а мы все потеряли свободу передвижения. И у нас очень много тревог... И одна из самых важных сложностей: мы не знаем, когда это все закончится. Эта неопределенность в каком-то смысле делает наше положение даже трагичнее, чем у заключенного, — человек в тюрьме, отбывающий наказание, знает, какой срок ему дали, и у него есть надежда выйти досрочно или по амнистии. Мы же не понимаем, сколько будем сидеть в изоляции, и будущее перестало быть предсказуемым — это такое неравновесное состояние. И это характерно абсолютно для всех.

Самоизоляция может быть более или менее комфортная, ты можешь быть в однушке, можешь находиться в загородном большом доме, но неопределенность касается всех — мы все сейчас столкнулись с экзистенциальными вопросами: есть у тебя выбор или нет. И ты не очень понимаешь, что ты будешь делать дальше.

У меня, например, сейчас болеет коронавирусом ближайшая подруга, болеют родители нескольких моих друзей, несколько родителей моих клиентов... Это все уже перестало быть чем-то абстрактным и далеким. И мы все дико боимся за наших близких. Боимся сами заболеть и умереть, думаем про смерть, свободу, изоляцию, бессмысленность...

Все, что происходит, не может не сказываться на семье. Самоизоляция — кризис или ренессанс в отношениях?

— Ренессанс? То есть возвращение к тем чувствам, которые люди испытывали, готовясь к свадьбе? Но сейчас так много пишут о том, что после выхода из самоизоляции нас ждет всплеск числа разводов. Отмечается увеличение домашнего насилия, многие ваши коллеги утверждают, что для пары 24 часа вместе — это жесткое испытание отношений

— Это все верно, особенно когда люди не просто вместе в заточении, а еще и в ощущении тревоги. Это как радиация, в

каком-то смысле мы в Чернобыле: ты не видишь эту нависшую угрозу, но понимаешь, что она есть. В первые дни, когда все закрывалось, помните, все принялись за уборку своих квартир, и я тоже что-то делала, и когда протирала пыль, включился телевизор. Я его годами не смотрела, и вот он включился. Я продолжаю что-то там делать, проходит какое-то время, и я понимаю, что реально паникую! Вроде бы я даже не прислушивалась к телевизору, но под действием информации, которая оттуда полилась, началась паника!

Психолог отличается от нормального человека тем, что он чаще к себе прислушивается. Прислушался, понял — дальше начинаешь что-то делать. И я подумала: «Вот, приплыли, всего лишь был включен телевизор, а я уже заразилась паникой». Важно дозировать информацию, которая идет к нам из телевизора и соцсетей, — на это можно тратить в день полчаса, не больше. Иначе мы заражаемся тревогой, даже не отдавая себе отчета, как это происходит.

Раньше мы гораздо меньше проводили времени в семье — ты пошел на работу, в обеденный перерыв на бизнес-ланч с коллегами, потом — на фитнес, потом с друзьями в кафе — у нас было много каналов, чтобы слить напряжение даже в самые кризисные моменты. Находясь в заточении в семье, мы очень сосредоточены друг на друге, и у нас гораздо меньше возможностей, чтобы избавиться от тревоги и чувств, которые у нас возникают

Наши чувства — они разные: и обида, и агрессия — все, что угодно. И сейчас мы и наши клиенты очень похожи, мы варимся в одном котле со своими близкими. Китайцы пишут, что у них сейчас волна разводов, и у нас психологи прогнозируют такую же картину, и я совершенно с этим согласна. Космические психологи проводят аналогию между пребыванием в самоизоляции и режимом космической станции. Социальные психологи проводят аналогии с тюремным заключением.

Но ни сокамерники, ни космонавты не выбирают себе партнера, с которым пребывают длительное время. И уж точно не испытывают друг к другу любовных чувств. Мы же — встречаемся, влюбляемся, решаем жить вместе. В отличие от них,

нас с нашими партнерами связывают эмоциональные отношения, которые имеют свою историю и могут быть колоссальным ресурсом в том числе и в преодолении сложных жизненных обстоятельств

— Тем более что мы дома, а не в невесомости и не в камере...

— Наши отношения могут поддерживать нас и создавать безопасную гавань в нестабильном мире. Как воспользоваться самоизоляцией, чтобы прийти к ренессансу в отношениях? Вместе с прогнозом увеличения числа разводов еще предсказывают взлет волны рождаемости, и это тоже правда, потому что секс — один из прекрасных способов канализации тревоги.

Я недавно вспоминала рассказы своих бабушек. Одна ленинградскую блокаду пережила, а потом эвакуацию, вторая тоже была в эвакуации. Они рассказывали, как было голодно и как страшно, когда бомбили эшелон. Одна там еще ребеночка рожала — моего папу. С другой стороны, то самое нищее время в эвакуации они вспоминали



СЕКС — ОДИН ИЗ ПРЕКРАСНЫХ СПОСОБОВ КАНАЛИЗАЦИИ ТРЕВОГИ

как очень неплохую жизнь. Говорили про взаимопомощь и взаимовыручку, которые тогда существовали. Более того, две семейные пары они привезли из эвакуации как самых близких друзей. Они дружили всю оставшуюся жизнь. И есть в практической психологии такая теория: когда тревога в обществе повышается, — а уж куда больше, когда война или эпидемия, — то силы слияния преобладают. Многие помнят, как в кризисе все помогали друг другу. В очередях в 98-м можно было слышать смех, люди общались, шутили...

— Я полагаю, что и в самоизоляции в большинстве семей также есть место шуткам и смеху...

— В этом смысле можно говорить про две тенденции в семейных парах на фоне изоляции. Первая: у них еще до изоляции существовало напряжение, были конфликты, обиды, недовольство. Но с этим справлялись путем дистанцирования — сходил на работу, по сути дела, не общался с партнером, на которого обиделся, и все обошлось хорошо. А началась вынужденная совместная изоляция, и ты уже никуда деться не можешь. И поднимаются все невысказанные обиды, копившиеся недовольство и злость.

УСПОКОЙТЕСЬ, У ВАС — РЕНЕССАНС

Как избежать развала семьи в условиях вынужденной изоляции.
Рекомендации психолога

— Как засор в раковине... Что здесь может помочь?

— В этой ситуации нет универсального средства: все обиды, пустота поднимаются, и люди могут разочаровываться, отчаиваться и бессилие испытывать, выгорать — и вот тут реально может наступить и некая точка невозврата, когда ты понимаешь, что все: не-не-не, больше я не хочу в такой семье оставаться! Рядом человек, с которым тебя ничего не связывает, тебе с ним просто говорить не о чем. Тогда, в лучшем случае, иду к психологу, в худшем — разводится.

Я хочу сказать, что самоизоляция выступает здесь катализатором тех самых отношений, которые уже до нее были проблемными и конфликтными.

И есть вторая тенденция. Представьте себе обычную среднюю семью большого мегаполиса. Конечно, мы катастрофически мало времени проводили вместе. Мы очень много работали, много времени тратили на дорогу, и у нас иногда не было времени даже перекинуться словами взглядами, обняться, какое-то время

провести вместе, я уже не говорю о том, чтобы сесть и по душам поговорить. Если в семье есть дети, то все еще больше усугубляется — у супругов остается очень мало времени друг для друга. Тем не менее мы существуем, для которых спаянность важна, близость, теплота, доверие, любовь — это все необходимо для выживания.

И в ситуации, когда тревога высока, кризис, непредсказуемость, мы все тянемся друг к другу, и нам важно, чтобы рядом был близкий человек. Мы на самом деле все нуждаемся в принятии, безопасности. И кто, как не наши близкие, может нам это дать. И знаете, очень многие пары отмечают, что они стали ближе. Я это ощущаю, и в том числе и у себя самой, хотя дети выросли и живут отдельно. Мне даже приходит такая мысль в голову, что если раньше, когда было очень мало времени друг для друга, то какие-то конфликты, ссоры — они были часто, чтоб внимание привлечь. А мы же знаем, что все мы страдаем больше всего от недостатка внимания. Лучше пусть оно будет отрицательное, чем никакое. И вот сейчас люди, которые заперты в заточении, могут уделять, наконец, внимание друг другу. И я вижу и по друзьям, и по клиентам, что вот уже наружу-то особенно не хочется. Люди



PhotoXPRESS

тянутся друг к другу, наступает ренессанс в отношениях. Наконец, мы убедились, что можно протянуть руку, дотянуться до человека, можно взглядами перекинуться — и это обеспечивает ощущение стабильности, безопасности.

Такие две тенденции... Где-то это — последняя капля. А где-то у людей просто не было времени друг для друга, а их мимолетные конфликты были связаны с потребностью привлечь внимание. А дальше вопрос: к какому типу семьи относимся мы и как понять, что главное делать в этой ситуации.

— Как это понять?

— Все мы в детстве усваиваем определенную модель отношений, получая ответы на вопросы: можно ли доверять другим людям, помогут ли они нам в трудной ситуации, можно ли быть открытыми, безопасно ли это, в состоянии ли другие люди быть отзывчивыми, доступными? И в зависимости от того, какую модель мы усвоили, — так мы и живем. Либо этот мир кажется нам безопасным, либо люди, которые нас окружают, опасны. А дальше мы эту модель переносим на общение, и не только с близкими людьми, но мы еще и строим по этой модели любовные и семейные отношения. Соответственно если нам повезло получить надежный тип привязанности, большой запас родительского внимания и любви, то мы легко можем доверять другим людям. Можем быть открытыми, открытыми и когда у нас нет времени друг для друга, мы можем от этого страдать и даже конфликтовать. Но

как только время появляется, мы сближаемся — ведь все-таки мы же когда-то выбрали именно этого человека, мы когда-то влюбились, строили отношения...

У людей с надежной привязанностью в появившемся времени возникает возрождение отношений, они реально счастливы, им в самоизоляции хорошо.

— А какие еще есть типы привязанностей? Какому типу в самоизоляции совсем плохо находиться в семье?

— Был такой эксперимент под названием «неизвестная ситуация», его проводила ассистентка в группе психолога Джона Боулби, который первым описал привязанность как устойчивую психологическую связь между людьми. Ассистентка Мэри Эйнсворт помещала в комнату с игрушками мам с малышами. Потом мамы выходили, дети капризничали, но быстро успокаивались в маминых объятиях. Это была группа детей с безопасной привязанностью, которая соотносилась с материнским поведением, где было много заботы и внимания.

Вторая группа детей: мамы выходили — дети очень долго не могли успокоиться, висели потом на мамах — это тревожная привязанность. Если связывать это с поведением мамы — они были непоследовательными, непредсказуемыми: мама то отвергала, то, наоборот, ласкала ребенка. У него не было устойчивого объекта, поэтому ему очень страшно ее отпустить — малыш не уверен, что мама нигде не денется.

Этот эксперимент касался мам, и он происходил в 60-е годы, а сейчас мы уже знаем, что если не мама, а папа, бабушка, няня — хоть кто-то, хоть какой-то объект. Это потом сильно соотносится с тем, как этот ребенок, повзрослев, будет строить свои семейные отношения.

Люди с тревожной привязанностью, с одной стороны, сильно хотят близости, а с другой — испытывают страх от того, что они могут быть отвергнуты, что их покинут. Поэтому в самоизоляции они могут быть очень требовательными, от них на шаг нельзя отойти, они начинают очень настойчиво требовать близости, теплоты. Оказавшись в изоляции, они контролируют всех своих близких. Они могут производить впечатление чересчур импульсивных, давящих и контролирующих, чрезвычайно навязчивых людей.

— Давайте вернемся к эксперименту, как вели себя малыши с избегающим типом привязанности?

— Мама ушла, а они сидят, как будто ничего не произошло, и это очень «удобные» дети: есть мама, нет — они сами играют, сами себя занимают. Мама вернулась — ну и ладно... И кажется, что с ними ничего не происходит. На самом деле, если померить артериальное давление и посмотреть пульс, — у них реальная тахикардия, зашкаливает давление.

Понимаете, вот он сидит, вроде бы ничего не происходит, он кажется спокойным, а его бедное сердечко готово выскочить из грудной клетки. То есть он в полугодовалом возрасте уже сделал вывод: хоть плачь, да хоть оборись — к нему никто не подойдет! И это, соответственно, было названо избегающей привязанностью. И ему во взрослой жизни очень сложно будет доверить свое сердце кому-то. Ему очень трудно быть открытым. Люди с избегающей привязанностью, в раннем детстве сделавшие вывод о том, что близости добиться невозможно, полагаться можно только на себя, — это люди которые не слишком доверяют другим, как правило, они держатся особнячком и на расстоянии. И вот если для человека с такой избегающей привязанностью партнером становится человек с тревожной привязанностью, напористо требующий близости, — люди попадают в жесткий цикл, в замкнутый круг.

Тревожному избегающий будет казаться слишком холодным, отстраненным, и он будет все время пытаться достучаться и попытаться добиться близости. Последний будет прятаться в свой домик. И будет прятаться отнюдь не оттого, что он эгоистичен, а оттого, что ему реально страшен такой напор. Но чем больше он будет пытаться спрятаться в свой домик, тем больше туда будет ломиться тревожный член семьи.

— И что же им делать?

— Прежде всего, понять, что самоизоляция — это не время для принятия решений. Она как индикатор: просто показывает, что у пары что-то не так. Но это вовсе не означает, что прямо теперь надо разводиться. Есть рекомендации — такая презумпция невиновности. Когда-то ты сам выбрал этого человека, и вам вместе было очень хорошо, когда-то вы ночи напролет беседовали, любили друг друга. Если вы вспомните, почему его или ее вы выбрали, да еще подключите презумпцию, то наверняка выяснится, что он или она к тебе тоже очень тепло относится. Просто у него или у нее тип привязанности либо избегающий, либо тревожный.

Если вы поняли, что перед вами человек с тревожной привязанностью — он хороший, но боится быть отвергнутым, ему реально страшно, — в этом случае очень важно избегать двусмысленностей, важно говорить с таким человеком прямо, конкретно. Было бы очень плохо, если бы вы почаще повторяли ему про то, что он хороший и что он ценен для вас. Будьте просто надежны и терпеливы, не принимайте его взрывы и бурные реакции близко к сердцу — дело, вообще говоря, не в вас.

Просто помогите ему, обняв и сказав ему, что он хороший.

А если вы поняли, что ваш партнер с избегающей привязанностью, — опять же вспомните о презумпции невиновности. И вы его когда-то выбрали, и вы были очень близки, и он казался вам чрезвычайно интересным. Он не холодный и не отстраненный, он не эгоистичный нарцисс, он просто очень пуглив и спрятался в свою раковину. Его надо аккуратно, очень осторожно оттуда доставать, выманывать. Не консервным ножом вскрывать — напор только пугает человека, он может это воспринимать как нападки, он очень боится быть уязвимым и отвергнутым, поэтому просто перестаньте на него нападать со своей любовью. Это не враждебность — это просто страх.

Если вы будете следовать этим рекомендациям — я понимаю, что советы давать легче, чем им следовать, — просто попробуйте сделать эти простые вещи, и, возможно, тогда ваши отношения ждет ренессанс. И вы будете вспоминать самоизоляцию как очень хорошее, доброе, милое время.

Тут вот что важно. Меня как-то спросили: как понять, к какому типу привязанности ты относишься. Если человеку все время кажется, что его отвергают, с ним недостаточно хорошо считаются, что он недостаточно хорош для своего партнера, что партнер в любой момент его может бросить, — это, конечно, тревожная привязанность.

Если человек считает, что людям нельзя доверять и если тебе будет плохо, то вряд ли кто-то из близких придет на помощь, что надеяться можно только на себя, — это, конечно, избегающая привязанность.

Но если ты считаешь, что в большинстве своем люди добры и отзывчивы, что ты вправе рассчитывать на помощь, что близкие твои доступны, отзывчивы, что они, по крайней мере, хотят понять, что ты пытаешься до них донести, — это, конечно, безопасная привязанность.

Еще спрашивают о циклах избегающего и тревожного типа отношений: один будет догонять все время, другой — отстраняться. А бывают ли какие-то другие циклы? Да например, когда два человека с тревожной привязанностью. Здесь каждый из них будет сомневаться в любви другого, и каждый будет с очень большим пылом добиваться внимания второго. Оба в такой паре пытаются докричаться друг до друга, что-то донести.

А могут быть два человека с избегающей привязанностью. Каждый из них с детства привык к тому, что надеяться можно только на себя, бессмысленно ждать или просить помощи от других. Это два одиночества, два постояльца в одной гостиной, которые не будут искать утешения друг от друга. Не потому, что они не нуждаются в этом, а потому, что в раннем детстве была заложена та модель, когда ты понимаешь, что никто никогда не придет на твой плач...

Поняв, какого типа привязанность у вашего партнера, вы можете научиться вычленивать циклы, отслеживать свои реакции, помнить про презумпцию невиновности. Обнимать тревожного, быть терпеливым с избегающим. И конечно, нельзя забывать о психогигиене. В чем она состоит?

Уже все психологи сказали, что важно составлять расписание: это время строго для работы, это еще для чего-то, но обязательно должно оставаться время, которое только твое, когда тебя никто не трогает. И в это время делать нужно только то, что доставляет удовольствие. Кто-то лежит на диване, кто-то смотрит кино или шьет, плюет в потолок, на баяне играет, маску на лицо накладывает.

— Вы говорите о косметической маске, а у меня в голове масочный режим...

— Это долго так теперь будет...

Галина МУРСАЛИЕВА,
обозреватель «Новой»

НАБЕРЕЖНУЮ ПОСТРОЯТ. А НАСТЯ С РОМОЙ УМРУТ?

Почему никто в Амурской области не выполняет решение суда о приобретении лекарств для детей со СМА

Российские чиновники продолжают проявлять изворотливость и находят все новые причины, чтобы отказать больным спинальной мышечной атрофией (СМА) в жизненно важном лекарстве. В Амурской области местному минздраву удалось отсрочить закупку препарата до конца года. Это произошло после того, как во время апелляции судья «скорректировал» решение суда первой инстанции, убрав формулировку о его «немедленном исполнении». Родители пациентов предполагают, что здесь не обошлось без давления со стороны губернатора. «Новая» рассказывает о том, как чиновники обрекли детей играть наперегонки со смертью еще минимум полгода.



Рома Петрухин



Настя Бортник

Фото из личного архива

Голубоглазая Настя Бортник из Благовещенска — шесть лет. Роме Петрухину в апреле исполнилось девять. Он живет в 113 км от Насти, в амурском селе Екатеринославка.

Настя и Рома — смайлики. Так называют детей, больных СМА. Смайки начинают слабеть с раннего детства. Мышцы рук и ног постепенно атрофируются и перестают слушаться.

Сейчас Рома может двигать джостик на электроколяске — на большее нет сил. Настя сидит только с опорой, с трудом откашливает мокроту. Ей требуется откашливатель, но местные власти не могут предоставить аппарат с прошлого декабря. Маме Насти, Светлане Бортник, чиновники через раз отвечают: то вот-вот закупят, то вопрос еще рассматривается.

Справка «Новой»

Еще недавно пациентам говорили, что спинальная мышечная атрофия не лечится. Но несколько лет назад на фармацевтическом рынке появилась спинраза, первое лекарство для больных СМА. И у них появилась надежда: заболеть хотя и нельзя вылечить, но можно его остановить.

Спинраза — инновационный препарат. Одна его инъекция стоит 125 тысяч долларов (около 8,5 млн рублей по текущему курсу ЦБ). В первый год терапии больному делают 6 уколов, в последующие — по три. И так всю жизнь.

В России лекарство было зарегистрировано лишь в августе прошлого года. Согласно нашему законодательству, оно закупается для больных СМА за счет регионального бюджета. Но далеко не все чиновники добросовестно выполняют свои обязательства. Например, в Амурской области — 9 детей с диагнозом СМА. Лишь одному из них была закуплена спинраза за счет бюджета.

Поскольку болезнь прогрессировала с каждым днем, а в лекарстве Насте и Роме отказывали, их родители обратились с иском к министерству здравоохранения Амурской области. Представители ведомства возражали против удовлетворения жалобы. По их мнению, закупка жизненно важной спинразы могла привести «к несоблюдению прав других гра-

ждан по обеспечению лекарственными средствами».

Главным же аргументом стала высокая стоимость препарата. По словам чиновников, лекарство должно закупаться за счет федерального бюджета. С аналогичным мнением уже неоднократно выступали благотворительные организации и сенаторы. Решить проблему финансирования лекарства поможет включение СМА в перечень высокотратных нозологий. В этом случае деньги на лечение смайликов будут выделяться из федерального бюджета. Однако принятие этой инициативы на законодательном уровне до сих пор откладывается.

Несмотря на доводы минздрава, в апреле Благовещенский городской суд встал на сторону истцов, постановив «обратить решение к немедленному исполнению». На исполнительное производство, то есть на закупку спинразы, чиновникам отвели два месяца. За это время, по словам самих представителей минздрава (документ, в котором об этом говорится, есть в распоряжении «Новой»), ведомство совершило «многочисленные действия», подтверждающие его намерение исполнить решение суда «в добровольном порядке». А именно:

Губернатор Амурской области Василий Орлов обратился в Минздрав России с просьбой включить лечение СМА в перечень видов высокотехнологичной медицинской помощи, которые финансируются за федеральный счет.

Минздрав Амурской области обратился в местный минфин с просьбой выделить 395 млн рублей на лечение пациентов со СМА.

На этом «многочисленные действия» минздрава закончились. Как утверждают чиновники, реакции ни на первое, ни на второе обращение к 21 мая не было.

Ответ от минфина самостоятельно запросила Светлана Бортник. Из документа (есть в распоряжении редакции) следует, что в текущем году на здравоохранение в Амурской области из бюджета было выделено 5,4 млрд рублей. Но из-за эпидемии COVID-19 доходы региона сократились на 2,3 млрд рублей. Поэтому денег на реализацию других направлений «не хватает», утверждает амурский минфин.

При этом больше 10 млрд рублей в апреле — в разгар пандемии — выделили на реализацию нацпроектов в Приамурье. «План на 2020 год очень амбициозен. Он включает в себя десятки мероприятий и больших строек на территории региона. Области для этого выделены беспрецедентные средства. Отсрочки для воплощения этих масштабных проектов в жизнь не будет — каждый запланированный этап должен быть выполнен в срок», — заверил Василий Орлов.

В Благовещенске, например, планировали обновить 600 метров набережной, за 384 млн рублей. Этих денег хватило бы на годовое лечение спинразой всех смайликов в Амурской области.

комментарий

Олеся РОМАНОВСКАЯ, консультант фонда «Семьи СМА» по правовым вопросам:

— В соответствии с существующей судебной практикой получение отсрочки исполнения решения суда по любой категории дел весьма проблематично. Особенно это касается дел, связанных с оказанием медицинской помощи и организацией лекарственного обеспечения, когда на кону стоит жизнь и здоровье пациентов.

В данном случае при принятии решения об отсрочке исполнения суд должен был учесть, что предметом рассмотрения является получение жизненно необходимого лечения, направленного на сохранение здоровья и жизни детей, страдающих прогрессирующим заболеванием. При таких обстоятельствах предоставление минздраву рассрочки исполнения решения суда само по себе не соответствует букве закона.

Единственная надежда на то, что допущенные судом ошибки исправят в вышестоящей инстанции, куда планируют обратиться родители пациентов, но на это потребуется время, которого у детей нет.

Между тем амурский минздрав начал процедуру обжалования решения суда. Областной суд не удовлетворил требования ведомства, но исключил из мотивировочной и резолютивной частей фразу о «немедленном исполнении».

Изменение формулировки позволило минздраву потребовать отсрочки исполнения решения суда в связи с появлением «исключительных обстоятельств». Чиновники рапортуют, что закупить спинразу невозможно без изменений в законе об областном бюджете, которые принимает законодательное собрание. Более того, в течение 33–41 календарных дней необходимо провести электронный аукцион, а это, сетуют чиновники, весьма длительная процедура.

Суд с этими «исключительными обстоятельствами» согласился. Амурскому минздраву предоставлена отсрочка на закупку спинразы до 31 декабря 2020 года. «Я говорила на заседании, что у моего ребенка нет столько времени. За эти полгода мы вообще можем не дожидаться лекарства», — подводит печальный итог Оксана Петрухина, мама Ромы.

Родители Ромы и Ани предполагают, что решение об отсрочке в пользу минздрава было принято под давлением свыше. «Губернатор свое мнение уже озвучил: покупать не буду, лечить детей не буду», — делится Светлана Бортник. — Нам навязывают другое лекарство: якобы минздрав недостаточно рассмотрел возможность участия в программе расширенного доступа по рисдипламу. Нам говорят, что он бесплатный — вот и участвуйте (программу проводит компания-производитель за свой счет до того, как лекарство в стране зарегистрировано. — Е. К.). Но мы не знаем, когда его зарегистрируют и какая будет цена».

«Мы пытаемся достучаться до нашей власти, но пока безрезультатно. Они хотят войны, по-хорошему никак, — продолжает Оксана Петрухина. — Наверное, надо выйти на улицу с ребенком и плакатом. Поднимется шумиха. Может, хоть тогда мы сможем своего добиться».

Лиза КИРПАНОВА, «Новая»
Фотографии детей публикуются с разрешения их родителей.

ПОХВАЛА СКУПОСТИ

Был ли Пушкин Бароном?

«Маленькие трагедии» исключительно трудны для постановки и редко удаются режиссерам — прежде всего потому, что оксюморонны по существу, как и их названия. «Моцарт и Сальери» — два лика искусства, и художнику приходится их в себе сочетать; гость не может быть каменным, рыцарь не может быть скупым, чума — не время для пиров. Единственно правильной постановкой цикла из четырех пушкинских пьес была бы диалогия: первый спектакль представлял бы традиционную, поверхностную версию, с веселым и доброжелательным Моцартом, мужественным председателем, дерзким поэтом Дон Гуаном и жестоким скупцом Бароном. Второй демонстрировал бы депрессивного и мрачного Моцарта, грозно намекающего Сальери на его преступление («Правда ли, Сальери, что Бомарше...»), «бессовестного и безбожного» Дон Гуана, который радуется случаю заняться любовью в присутствии трупа врага, трусливого Председателя, страшащегося взглянуть в лицо трагедии и потому кощунствующего, — и...

Вот здесь заминка, поскольку сыграть «Скупого рыцаря» в противоположной, «обратной» трактовке еще никому, насколько я знаю, не приходило в голову. На что велик был Смоктуновский — а и он в замечательном фильме Швейцера сыграл какого-то ростовщика, трактирщика Мойсея из чеховской «Степи», уже им сыгранного у Бондарчука. Между тем своя амбивалентность есть и тут, поскольку Пушкин изображает здесь не просто скупца, а подлинного рыцаря, аскета; и если во всех «Маленьких трагедиях» есть отмеченный Ахматовой автобиографизм, стремление переиграть собственную судьбу или подвести предварительные итоги, — то и «Скупой рыцарь» есть глубоко личное высказывание. Если увидеть в трагедии отголосок разрыва Пушкина с отцом, который шпионил за сыном и оскорблял его своей скупостью, — приходится признать параллель между Пушкиным и вспыльчивым юнцом Альбером, но думается, что в Бароне куда больше достоинства и ума; говоря прямо, Барон над своими сокровищами — это и поэт над своими сочинениями. Смысловой центр трагедии, ее кульминация — монолог Барона, создание поэтического героя, заставляющее увидеть именно в Бароне автопортрет зрелого Пушкина.

*Как молодой повеса ждет свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный,*

к верным сундукам, —

это прямое признание поэта, который среди любых занятий, чем бы он ни был увлечен и каким бы страстям ни поддавался, ждет на самом деле только одного: возвращения к творчеству, когда он будет наконец равен себе и, более того, сосредоточится на том единственном, для чего создан. Пока другие прожигают жизнь, тратя ее на любовные или карьерные интриги, — Барон создает крепость своего величия; и как он собирает дублионы — так поэт коллекционирует чужие страсти и судьбы, да и чужие слезы. Этот образ, кстати, странно аукнулся потом у Маяковского, тоже в трагедии: «В. Маяковский неуклохе топчется, собирает слезы в чемодан. Стал с чемоданом». И как за каждым дублоном в своих сундуках Барон видит трагедию — так и поэт за каждой новой строкой видит концентрат боли, чужой и своей.

РИА Новости



ПОНИМАНИЕ ПОЭТА КАК НАРОДНОГО СЛУГИ — ЭТО НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ПРАВ НА ТО, ЧТО ЛЮДЯМ СОВЕРШЕННО НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ

Что не подвластно мне?

как некий демон

*Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут...*

Эта декларация собственного величия сродни и будущему «Памятнику»,

и сонету, где утверждается право Поэта на верховное одиночество. «Отсюда править миром я могу» — это вполне созвучно формуле «Ты царь, живи один».

*Мне всё послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья...*

Мотив памятника возникает и здесь — в рассказе о царе, который приказал своим воинам принести по горсти земли, «и гордый холм возвысился». Барон пересказывает здесь известную легенду о «камнях Тамерлана».

Но главное, что роднит поэта и скупца, — как ни странно, абсолютное бескорыстие Барона: он собирает золото в свои сундуки никак не для того, чтобы его тратить, а мысль о том, чтобы завещать богатство сыну, приводит старика в содроганье. Барон — подлинный аскет, своего рода рыцарь скупости: деньги нужны ему именно как концентрат жизни, своего рода эквивалент времени, запирать их в сундук — единственный, кажется, способ удержать все эфемерное и зыбкое, найти ему материальный аналог. Поэзия — такой же концентрат времени, единственный бессмертный след чужого бытия: «Ржавеет золото, и истлевает сталь, крошится мрамор»... с той только разницей, что золото не ржавеет. Сама мысль о том, что сокровища будут растрчены сыном и его беспечными друзьями, отравляет Барону мысль о посмертном покое: «И потекут сокровища мои в атласные дырявые карманы» — сам-то Барон не потратил ничего, живет аскетически, сына держит в черном теле. «Бескорыстная любовь к деньгам» — в этой шутке только доля шутки: для Барона деньги — никак не средство обмена. Это подлинно концентрат жизни, память о ней, памятник. Сам слог, которым говорит он о своих сокровищах, — сродни интонациям поэта, подводящего итог своему пути; и не следует думать, что поэт творчески преобразует мир, а скупец только коллекционирует изделия чужих рук. От Барона требуется столько изобретательности, хитрости и даже самопожертвования, что его труд вполне сопоставим с творчеством. Главное же — Пушкин тоже категорически настаивает на том, что прагматические мысли о поэзии постыжны; деньги не для того, чтобы их тратить, — и стихи не для того, чтобы ими воспитывать народы и улучшать нравы. «Не для житейского волнения» etc, yes!

Мне возразят, что Барон жесток: чего стоит сцена, когда он с невероятным хладнокровием шантажирует стоящую на коленях вдову. Но и поэзия — жестокое занятие: «Поэзия выше нравственности или по крайней мере совсем иное дело». Пушкин цитирует слова Дмитриева о Державине, который повесил двух пугачевцев «из пиитического любопытства». Ради искусства поэт не шадит себя — но не слишком церемонится и с другими: «Какое дело поэту мирному до вас!» Понимание поэта как всеобщего благодетеля, неперменного гуманиста, народного слуги — это непозволительное предъявление прав на то, что людям совершенно не принадлежит. Искусство — для любования, а не для воспитания. И чувства Барона —

*Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком,
И все их отопру, и стану сам
Среди них глядеть*

на блестящие груди, —

весьма сродни тем, какие испытывал Пушкин при виде своих творений: «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

Тем же, кто привык видеть Пушкина, даже зрелого, любвеобильным гулякой, другом своих друзей и страстным народолюбом, — мы ничего возражать не станем, руководствуясь верным принципом «и не оспаривай глупца».

Дмитрий БЫКОВ,
обозреватель «Новой»

Наступает пора мемуаров.

Давно заметил: Юркин образ с каждым годом становится все более монументальным и, конечно, все менее похожим на Юрку — живого.

По себе вижу, чем дальше — тем легче вспоминается, в том числе и то, чего никогда не было. Все больше встает перед глазами «ярких подробностей». Все меньше живых свидетелей, а ты сам — есть еще, валяй смело! Никто не поправит, а поправит — отбреешься. Ты, мол, так помнишь, а я — так.

Сделаем эту важную оговорку.

Тогда, в июле 2003-го, вечером, позвонил Муратов: Юрке лучше!.. Что там могло быть лучше... Наутро его не стало. Будет засекречена (даже от родственников) история болезни, прокуратура закроет уголовное дело (не ответив ни на один из поставленных перед нею вопросов), потом (через три года, уже при Чайке) опять отмахнется, опять не увидит оснований, хотя стараниями газеты чего-чего, а оснований станет значительно больше. Но это будет неудобное для возобновления такого рода расследований время: английские сыщики колесили по Европе с дозиметрами, а тут — все «рифмуется»: соли таллия? Или тоже — полоний? Зато возобновили «Юркино» дело «Трех китов», состоялись первые аресты, стремительно приближалось торжество справедливости и замгенпрокурора Бирюкова, целенаправленно дело разваливавшего, упорно уводившего от ответственности его фигурантов, тоже посадили — в Совет Федерации, сенатором от Ненецкого округа. А Пашу Зайцева, следователя, дело, наоборот, раскрутившего и осужденного за это (стараниями того же Бирюкова) уголовным судом (спасибо хоть условный срок дали), все равно не реабилитировали, хотя в звании за это время повысили, а в день вынесения собственно приговора демонстративно наградили медалью. А прокурора Шохина, упорно поддерживавшего в суде заведомо заказное обвинение против Зайцева, тоже наградили — но орденом (этот Шохин потом опять же героически проведет процесс Ходорковского). А судью Кудешкину, отказавшуюся подчиниться хамскому давлению (я все про суд над Зайцевым) и рассказавшую об этом, из судей уволили (как нарушившую «этические нормы»). А на Юркиной могиле в Переделкино Нугзар Мгалоблишвили, нежный наш друг, высек из черного камня памятник и посадил лозу, и лоза — в первый же год! — дала виноград, полноценные кисти. Потом мы еще успели пригласить Нугзара на презентацию посмертной щекочихинской книжки, но, чтоб ему дали визу, пришлось подключить Лукина, Уполномоченного по правам человека, тот помог, и Нугзарчик, слава богу, приехал, еще б неделя — и все, не успели б (как раз тогда тбилисские авиарейсы в очередной раз отменили)...

Сейчас на переделкинском кладбище целый ряд могил — у самого края, вдоль шоссе: Юрий Давыдов, Щекочихин, Саша Ткаченко, Толя Кобенков... В хорошей компании лежит Юра...

А тогда, после уже упомянутой презентации, уже за столом, среди своих, Муратов вдруг раздраженно бросил: что, мол, вы все говорите, Щекочихин у вас предстает каким-то легкомысленным, несурзанным и праздным гулякой, а лучше хотя бы вспомнить, что он был, и это пора понять, крупным общественным деятелем, чьи заслуги перед страной стране еще только предстоит осознать... И Рост возразил Муратову, и был прав. Хотя ничуть не меньше был прав и Муратов — насчет страны и заслуг, прежде всего. Но мы Щекочихина (всего) стране никогда не отдадим, и сам Муратов не отдаст; Юра не был из бронзы, он был из мяса и костей, он бывал наивен и неловок, он мог нес-

Было это здесь же, в том самом здании, где и сейчас работаю, только вход в «Новую» со стороны Потаповского переулка, а в «Московский комсомолец» вход был — с парадного, с Чистых прудов. На втором этаже, в комнатке школьного отдела.

В мою первую в жизни заметку (про астроклуб Московского дворца пионеров на Ленгорах), которую я принес в «Комсомолец» осенью 69-го, десятиклассником, и опрометчиво отдал в верные Юркины руки, Щекочихин внес три основополагающие правки. Героиню материала Лену Бариннову переименовал

справедливо обидеть, он мог ошибаться и упорствовать в ошибке, он был до самого конца романтичен не по возрасту и прекрасодушен. И это не отменяет, конечно же, каторжного его труда, его бульдожьего упорства в борьбе за то, что он признал правильным и справедливым, его несравненного бесстрашия и непоколебимой верности. Его было легко передразнивать. Скажем, заложить руки в карманы джинсов и, раскачиваясь, выкрикивать в воображаемый микрофон: «Ж-журналистика... эт-то... не профес-сия... это... образ ж-жизни!..» Передразнивать было легко. Жить, как он, не удавалось никому.

В «Литгазете» как обозревателю Щекочихину была положена дача. Дача, конечно, даче рознь. И не помню уже, каким образом Щек из бывших секретарских хором, которые поначалу делил с Сабовыми, оказался водворен в нынешнюю халупу. Когда же появилась возможность приватизировать — не было, естественно, никаких на это денег. Уже отказался, но заехал Успенский. Звони, сказал, немедленно, дам я тебе эти деньги...

С тех пор все экскурсии по Переделкину экскурсоводы сопровождали указанием: а вот дача депутата Щекочихина! За незаметной Юркиной хибарой возвышался огромный дом-дворец, непонятно, как все в сегодняшнем Переделкино, кому принадлежащий. Туристы ахали.

Потом Щекочихин накопил на забор, отделяющий его участок от проезжей части, и очень забором гордился. Щекочихин был, конечно, прав: забор — это было лучшее на его участке.

На день рождения внутри забора собирались десятки людей, с некоторыми не был знаком и сам Юрка, откуда они здесь явились, никто не знал. Однажды между деревьями кто-то натянул огромный плакат: «Убедись, что не привел за собой хвост!» Убедиться не получилось ни у кого.

Один раз (не в день рождения) пришел своеобразного облика мужик, которого Юрка не узнал. Оказалось, одноклассник, не виделись лет тридцать. Сейчас отсидел, зашел повидаться. Пробыл часа полтора, ушел. Зачем приходил? — недоумевал Щекочихин.

После очередной женитьбы обменял свою, с качающимся полом, квартиру в Очаково («крейсер», как ее счастливо называли) на квартиру практически в центре, против Бутырской тюрьмы. Все радостно острили, полагали новый адрес символичным.

Квартира была запущена, и Юрка начал с главного: решил упразднить из коридора электрическую розетку. Вызвал мастера из ЖЭКа и дал ответственное задание Сереже Сенчило — дождаться, оставив три рубля. «Да давай я сам ее

в «Баранову», монохроматор — в «малохроматор», а уже в подписи после заметки улучшил и фамилию автора: «Гутионов». Так все и вышло. Смешно, но когда я через тридцать с лишним лет привел устраивать в гимназию при Дворце своего непутевого сына, именно по этой заметке был опознан, и сын — принят. Начиная со следующего года в этой комнатке на Чистых мы уже работали вместе, за соседними столами.

ОН МЕЖДУ НАМИ



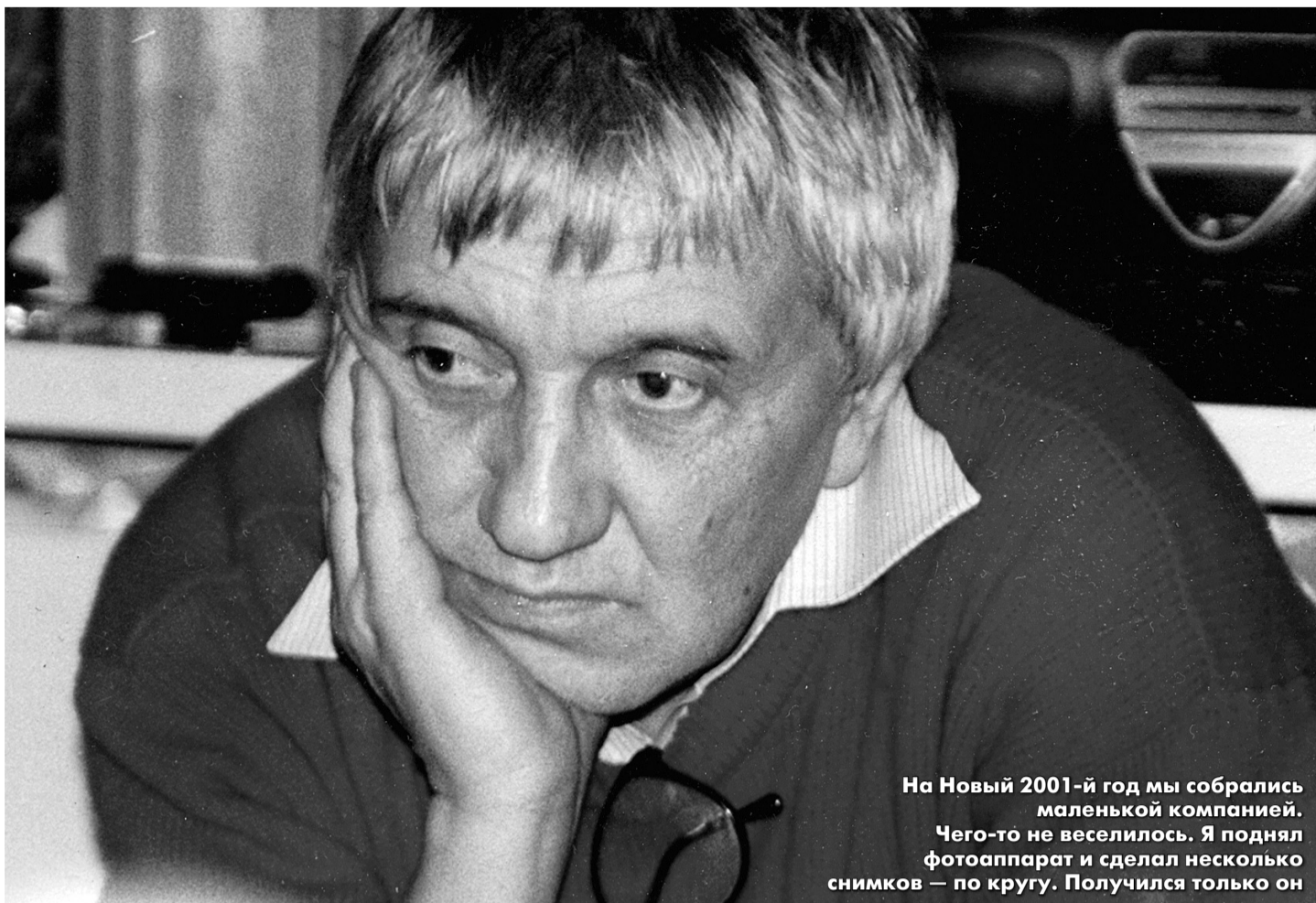
9 июня 1998 года.
Щекочихину — 48 лет!
Он — с подарками

уберу!» — предлагал Сережа. «Н-нет, надо, чтобы все было сделано к-как следует», — отвечал Юра... Пришел мастер, Сенчило показал розетку. «Вы что здесь все, сумасшедшие?» — выругался мастер. Взглянул за болтающийся провод и дернул, розетка отвалилась, ни к чему не подключенная. «Вот, хозяин просил передать», — проблеял Сенчило и протянул трешку. Мастер трешкой пренебрег, выругался еще раз и ушел...

Сережа Сенчило был музыкант и, что называется, человек рукастый. Однажды он вырезал форму и отлил ежегодный орден «Серебряный гусь» трех степеней. Орден учредила редколлегия нашей домашней стенгазеты «Вечерний демагогол» («Благодаря тому, что сельскохозяйственное животное «ГУСЬ» дает человеку полезные мясо, жир и перо для написания бессмертных заметок разных жанров...»); Щекочихин стал его первым кавалером — за статью, как помню, «На качелях» в «Литгазете». Так вот, Сенчило до самой своей безвременной смерти вспоминал этот случай с розеткой, как



ЮРА
НЕ БЫЛ
ИЗ БРОНЗЫ.
ОН БЫВАЛ
НАИВЕН
И НЕЛОВОК,
БЫЛ ДО
САМОГО КОНЦА
РОМАНТИЧЕН
НЕ ПО
ВОЗРАСТУ
И ПРЕКРАСНО-
ДУШЕН



На Новый 2001-й год мы собрались
маленькой компанией.
Чего-то не веселилось. Я поднял
фотоаппарат и сделал несколько
снимков — по кругу. Получился только он

ЖИЛ...

9 июня
Юрию ЩЕКОЧИХИНУ —
семьдесят!

самый несмыаемый позор в своей биографии.

Где-то в самом начале 80-х приехал в Москву поступать на истфак длинноволосый мальчик из Архангельской области — свежий выпускник десятилетки, чуть ли не золотой медалист. После первого же экзамена побежал шляться по городу, где раньше никогда не был, а потом купил два десятка гвоздик и стал раздавать их на улице Горького прохожим — по штуке каждому. Как потом рассказывал, более всего ему было интересно проследить за реакцией. Кто-то нерешительно улыбался, кто-то шаркался в сторону.

Но эксперимент не удался, ибо был сорван, практически едва начавшись. Уже четвертый прохожий строго осведомился: «Тебя кто-то уполномочил?» «Никто», — ответил нарушитель порядка. И прохожий отволок его в ближайшее отделение, приговаривая: «Ты у меня, сопляк, попляшешь!» Милиционеры «сопляка» часа четыре продержали в обезьяннике,

сообщили об инциденте на истфак, там отреагировали тоже вполне оперативно: не допустили проштрафившегося абитуриента до следующего экзамена и отчислили из общежития. Но дальше начинается самое, на мой взгляд, интересное; горести архангельского мальчика и на этом не закончились, ибо бдительный гражданин оказался собственным корреспондентом «Комсомолки» по одной из западно-украинских областей. Находился он в столице в командировке, именно в этот день отбывал восояси и сам заняться подвернувшейся темой не успевал, но тем не менее крепко помнил о своем журналистском долге. Поэтому переписал все данные мужественно задержанного им нарушителя и приказал ему на следующее же утро явиться в школьный отдел родной газеты: для выведения на всесоюзное обозрение в качестве героя фельетона.

Когда злобный идиот оказывается твоим коллегой — это стыдно. Но я о другом.

Вполне напуганный мальчик в «Комсомолку» пришел. В школьном отделе застал стажера Леню, ко-

торый, изумившись происходящему, дал мальчику домашний адрес Юрия Щекочихина. В общем, мальчик отправился к Щекочихину, неделю там жил, потом вернулся к себе на Север, призвался в армию, писал оттуда Щекочихину трогательные письма, отслужил, поступил-таки в МГУ (уже не на истфак, а на факультет — как ни странно — журналистики), окончил его, стал широко известным музыкальным обозревателем...

В Очаково вообще у Щекочихина постоянно кто-то жил. Кто-то вселялся, не предупреждая — через окно — первый этаж, очень удобно. Однажды таким путем Юрку все-таки ограбили: унесли вывезенную из первой загранкомандировки в Монголию скрипучую кожаную куртку и подаренные кем-то американские наручники. Больше не взяли ничего, изысканные люди.

Однажды Щекочихин принес в Союз журналистов воззвание. «Я принимаю на себя добровольное обязательство: ни одного документа из рук Руцкого не брать!.. Воззвание открываю для подписания...» Такого слова — «фейк» еще не было, Госдума занималась черт-те чем, и Юра взял на себя борьбу за честность и профессиональное достоинство прессы.

Надо ли говорить, что потерпел в этом постыдное фиаско.

Удивительно наивный человек! Через несколько лет привез я из Курска книжечку Руцкого — с репродукцией портрета автора на обложке. Кисти Шилова: бородастый генерал в небрежно наброшенной на плечи шинели со звездой Героя прямо на ней. На очередной день рождения подарил Щекочихину, имитировал от имени автора дарственную надпись, как мне казалось, смешную. Сказал: губернатор просил передать. Так Юрка хвастался перед каждым вновь пришедшим: «С-саша все-таки х-хороший парень, зла не держит...» Было страшно неловко: как будто ребенка обманул... Потом момент выбрал, спер книжечку и выкинул незаметно. Юрка потом искал, сокрушался.

Меня всегда поражало, какую (взаимную) любовь к Щекочихину неизменно испытывали люди в погонах. От рядовых

и до больших генералов (помню, с одним из них, дважды Героем Союза, командующим авиацией округа, я когда-то спал рядом на полу в Очаково, под одной шинелькой), что, впрочем, не отменяло никоим образом его ненависти к одетым в форму хапугам и карьеристам, вора и подонкам (может, именно это и привлекало так к нему честных офицеров?). Точно так же, кстати, Юра ненавидел и войну в Чечне (и особенно — ее развязавших), но лучшие из тех, кого бросили в эту топку, были с ним до его смерти и остались после нее. Скажем, героический полковник Саша Чикун, многократно раненный и награжденный, написавший пронзительную песню: «Родина, не предавай меня!..»

Восемь песен Чикуну Юра включил в качестве приложения в свою книгу «Забытая Чечня. Страницы из военных блокнотов». Книга вышла летом 2003-го, накануне его дня рождения, Юрка успел подержать в руках первые сигнальные экземпляры. Подарить никому не успел: основной тираж ожидался через месяц («Тогда всем и подпишу...»), через месяц Юрки уже не стало...

Так и стоит у меня на полке эта книга — без автографа. Открываю: «Доказывать самому себе, что не боюсь грохота войны, считал неуместным. Я нормально отношусь к опасным приключениям, и у меня их в жизни было немало, от Вильнюса до Белого дома, не говоря уже о родных бандитах и КГБ. Да я и не считал себя профессионалом в описании военно-полевых романов. Тогда они казались мне (возможно, в этом была моя ошибка) слишком локальными, затрагивающими интересы различных национальных элит, сводящих между собой кровавые счеы. Ну ладно, как-нибудь разберутся и без меня.

Но с Чечней все было по-другому.

Я чувствовал, что это и всерьез, и надолго, и что еще будет много крови и — много денег, что в московских, что в грозненских кабинетах...»

На чеченской войне Юрка бывал несчетное число раз, он занимался вывозом из плена наших солдатиков и гражданских заложников — дела столь же опасные, сколь и деликатные. Так что о них пусть лучше рассказывает Слава Измайлов, друг и соратник по всем этим делам, я же только скажу, что журналиста и депутата Щекочихина в июле 2003-го помянули в очень и очень многих русских семьях...

Он был скрупулезно тщателен в сборе материала, но излагал его на пределе всех обуревавших его очень и очень страстных эмоций. Он всегда обращался напрямую к читателю, он был в этом до предела естественен, и читатель всегда его понимал и откликнулся на его слово.

В этом смысле любые собранные под солидной книжной обложкой Юркины тексты, по-моему, проигрывают по сравнению со своими газетными предшественниками. Уходит злободневность, ослабляется напряженно-натянутый нерв. Но все равно — главное остается.

Это и сделало его одним из лучших отечественных журналистов, самых авторитетных и почитаемых, самых (в подлинном смысле слова) влиятельных, узнаваемых и знаменитых.

Образу жизни не изменил ни разу. Друзьям — ни разу. Профессии — ни разу.

А то, что всегда оказывался в самом нужное время в самом нужном месте? Многие оказывались. И что, простите, написали — чтоб народ запомнил хотя бы фамилию автора?

Даря книжку со своей повестью «Жизнь после», он написал мне: «Мы еще не старые, хотя уже выросли!»

Но сам — не вырос.

Павел ГУТИОНТОВ,
обозреватель «Новой»
Фото автора





На минувшей неделе в процессе по петербургскому делу «Сети» повторно допросили Юлия Бояршинова — по обстоятельствам, о которых он уже давал показания в апреле-2019. Теперь, как пояснил его адвокат Алексей Царев, по итогам рассмотрения дела возникло намерение кое-что дополнить.

СИДЕЛИ ДВА ТОВАРИЩА

Повторный допрос Юлия Бояршинова сыграл против защиты Виктора Филинкова

Дело в том, что обвинение финансирует с ущербными доказательствами, изрядно побитыми защитой Виктора Филинкова. По сути, сейчас доказательства вины Филинкова зиждутся главным образом на показаниях других фигурантов из Петербурга и Пензы, многие из которых заявили о пытках и отказались от выбитых признаний.

Сам Юлий Бояршинов о физическом насилии со стороны силовиков не говорил, но заявлял о пыточных условиях содержания в СИЗО-6 (Горелово), куда его перевели из новых Крестов после отказов признать вину.

В Горелове Юлиана поместили в рассчитанную на 116 мест камеру, где находилось около 150 человек. Только после того как его переведут в другой изолятор, СИЗО-3 на Шпалерной, Бояршинов расскажет членам ОНК об издевательствах и угрозах изнасилования со стороны «старших», действовавших в том числе и по указанию оперативников.

Впоследствии в ЕСПЧ будет подана жалоба Юлия Бояршинова на бесчеловечные условия содержания в Горелово, унижающие человеческое достоинство. А весной этого года арестуют начальника

оперативного отдела СИЗО-6 Евгения Дегтерева — по обвинению в получении взяток за «улучшение условий» — в том числе за обещания исключить пытки со стороны сотрудничающих с администрацией заключенных.

Оперативник Евгений Владимирович упоминается Бояршиновым в акте ОНК — где он рассказывает, как человек с таким именем однажды вызвал его и спросил, готов ли тот завтра пообщаться с сотрудниками ФСБ без адвоката (всего таких встреч в отсутствие защитника было там три-четыре). За ответ «пусть приходят с адвокатом» вызванный опером «старший» заставил Юлиана присесть в камере тысячу раз.

Неделю назад в суде огласили фрагменты фоноскопической эксперти-

зы прослушки разговоров Виктора Филинкова и Юлия Бояршинова в июне-2018 в конвойном помещении Дзержинского районного суда (где их надолго оставили вдвоем перед заседанием по продлению меры пресечения). И там Бояршинов, не зная, что их записывают, пересказывал Филинкову тот случай с тысячей приседаний.

При повторном допросе в суде, когда речь зашла о Горелово и Бояршинов назвал условия содержания там кошмарными, адвокат Алексей Царев задал дополнительный вопрос:

— Эти условия явились причиной того, что вы дали признательные показания?

— Нет, показания давал добровольно, условия содержания не повлияли.

— Было ли причиной твоих кошмарных условий то, что в начале следствия ты не давал показаний? — спрашивает уже Филинков.

— Они у всех были кошмарные... Показания давал добровольно, — повторяет Юлиан.

Если проанализировать его показания следствию, сопоставив даты с местом содержания, связь признаний с гореловскими кошмарами не представляется такой уж неочевидной.

Через два месяца пребывания в СИЗО-6—11 апреля 2018 г., когда Юлиану предъявят обвинение по «террористической» 205-й и 222-й (сложилась из найденной им на чердаке банки пороха), а также при допросе 3 мая он еще будет заявлять, что не готов высказать свое отношение к обвинению.

25 мая признает себя виновным по 222-й, но не по 205-й. Хотя показания по «Сети» станет давать. В них делается акцент на увлечении исключительно самообороной: вместе с Игорем Шишкиным (заклучил сделку со следствием, осужден на 3,5 года) и еще парой друзей обсуждали, что если события станут развиваться по украинскому сценарию, придется «отвечать на агрессию вооруженных



— БЫЛО ЛИ ПРИЧИНОЙ ТВОИХ КОШМАРНЫХ УСЛОВИЙ ТО, ЧТО В НАЧАЛЕ СЛЕДСТВИЯ ТЫ НЕ ДАВАЛ ПОКАЗАНИЙ?

— ОНИ У ВСЕХ БЫЛИ КОШМАРНЫЕ... ПОКАЗАНИЯ ДАВАЛ ДОБРОВОЛЬНО

людей», в том числе националистических группировок. Втроем (исключая Шишкина) прошли в лицензированном центре подготовки официальный месячный курс «Партизан» (его дисциплины практически идентичны тем, что предлагаются в парке «Патриот» — детской Министерства обороны РФ). Летом 2016 года в Приозерском районе встретились с «ребятами из Пензы», обсуждали «общественные проекты». От них впервые услышал о «Сети» — но тоже лишь как о «проекте», призванном «наладить взаимодействие разных людей и групп» «для совместных тренировок и обмена знаниями в области самообороны». Таких совместных тренировок успели провести две, с использованием макетов автоматов и страйкбольных приводов, отрабатывали «отражение атак в тройках», оказание медицинской помощи.

О подготовке к каким-либо «террористическим» действиям нет ни слова. Как и в последующем июньском допросе, где Бояршинов впервые упоминает человека под псевдонимом Гена (Филинкова): «придерживается антиавторитарных и антифашистских взглядов», познакомились осенью-2016, участвовал с другими питерскими ребятами в паре тренировок на страйкбольном полигоне и еще одной встрече на съемной квартире (следствие назовет эту встречу «съездом»).

Но уже в июле, в ходе проверки показаний на месте, описанные события обрываются некоторыми подробностями. В протоколе появляются его слова о том, что на «съезде» «некоторые участники из Пензы высказывались по поводу необходимости насильственного свержения власти в России и поддержания боевого народного восстания», но сам Бояршинов «считал, что участники «Сети» не должны быть инициаторами свержения власти, а могут вступить в вооруженное столкновение после того, как власть будет свергнута кем угодно».

В конце июля Филинкова и Бояршинова этапировали в Пезну для очных ставок.

Этап в оба конца растянется на несколько месяцев, в Питер они вернутся только в октябре. Но еще до того появится обнадеживающая информация — якобы следователь пообещал, что в Горелово Бояршинова больше держать не станут, переведут в СИЗО-3 на Шпалерную. Так и случилось.

В протоколе допроса, проведенного 9 ноября после предъявления новой, расширенной версии обвинения, Бояршинов признает вину в полном объеме, подтверждает изложенные в постановлении обвинения и прежние свои показания, выражая желание их дополнить.

Среди дополнений появятся такие цели «Сети», как «преступления террористической направленности», «создание и функционирование боевого движения, способного насильственными методами свергнуть власть в России для достижения равноправия» «путем взрывов, поджогов, убийств и захвата инфраструктуры».

Когда начнется процесс, защита Бояршинова подаст ходатайство о выделении его дела в отдельное производство с рассмотрением в особом порядке (без исследования доказательств). Как поясняла тогда адвокат Ольга Кривонос, Юлий не заключал сделки со следствием и не собирается давать нужные следствию показания на других фигурантов. Суд это ходатайство отклонит.

Первый допрос Бояршинова в суде (апрель-2019) не принес обвинению сильных козырей: Юлий хоть и признавал вину, но никакой конкретики, указывавшей на «террористическую» направленность сообщества «Сеть», не предъявил. Например, «съезд» на съемной квартире описывал как встречу молодых людей, обсуждавших самые разные темы — от музыки до социаль-



КОГДА АДВОКАТ ПОЛУЧИЛ ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ И СВЕРИЛ ИХ СО СВОИМИ АУДИОЗАПИСЯМИ, ТО ВЫЯВИЛ В НИХ СВЫШЕ ПОЛУСОТНИ ПРИНЦИПИАЛЬНЫХ ИСКАЖЕНИЙ И ПОДМЕН

ных, экологических и антифашистских мероприятий.

Похоже, такие показания не устроили не только прокурора, но и суд. Когда адвокат Виталий Черкасов сумел (с большой задержкой) получить протоколы заседаний и сверить их со своими аудиозаписями, выявил в них свыше полусотни принципиальных искажений и подмен. В том числе в словах Юлиана.

Так, на вопрос о том, какая в «Сети» была «специальность» у Филинкова, в судебном заседании Бояршинов отвечает: «Я не знаю». А в протоколе записано: «Связист».

В суде Юлиан говорит: «Ребята из Пензы много рассказывали про то, что происходит у них в городе, какие антифашистские, экологические проекты. Совместно обсуждались успехи радикальных националистических группировок на Майдане. И многие выражали обеспокоенность, потому что радикальные националисты на Украине — они вооружаются, применяют насилие. И нам необходимо в связи с этим овладеть навыками самообороны, в том числе вооруженной».

А в протоколе записано так: «— Какие проекты обсуждались на этой встрече?»

— По отработке тактики и методики боевых действий, приемов владения огнестрельным оружием, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, повышения уровня физической выносливости, приобретения комплекса знаний и навыков, необходимых к применению в экстремальных ситуациях и боевой обстановке».

По мнению Виталия Черкасова, повторный допрос Бояршинова и данные им «уточнения» позволят суду закрыть вопрос о подменах в протоколах про-

шлых заседаний. Кроме того, некоторые ответы Юлиана на повторном допросе добавили очков обвинению.

Так, Алексей Царев, когда зашла речь о «съезде», попросил уточнить:

— Вот это обсуждение о насильственных действиях, направленных на свержение власти в России, шло обиняками, намеками или ясно звучало?.. Понятно это было?

— Да, это было понятно. Я для себя, по крайней мере, отметил, что до этого таких разговоров не было, а вот именно на этой встрече обсуждалось именно применение насилия и свержение власти в России.

— Вы считаете, для всех присутствовавших на встрече было ясно, о чем идет речь? — уточняет адвокат.

— Я думаю, да, наверное, да.

— Ну если обсуждение шло без обиняков и прямым текстом?

— Ну да, да.

Перечисляя участников, Бояршинов не называет Филинкова.

— Виктор Филинков присутствовал на этой встрече? — уточняет адвокат.

— Да.

— Имел ли Филинков отношение к проекту «Сеть», входил ли в какую группу? — продолжает Алексей Царев.

— Так как он присутствовал на встречах, я думаю, что да.

Два года назад, когда Филинков узнал, что Шишкин заключил сделку со следствием, он попросил своего адвоката донести до всех, что не держит на Игоря зла и других просит воздержаться от нападок. «Виктор прекрасно понимает, что показания Шишкина утяжеляют его судьбу, — пояснял тогда на пресс-конференции Виталий Черкасов. — Но он не уверен, как бы повел себя на месте Шишкина, когда в качестве заложни-

ка — это слова моего подзащитного — оказалась его жена (супругу Шишкина допрашивали ночью на Шпалерной).

Потом еще будет письмо товарищам, где Филинков попытается объяснить: «Это не про всепрощение, а про понимание, оценку, приоритеты и единство». Что возмущен клеветническими показаниями Игоря: «Это совсем не то, что я от него ожидал после нашей встречи летом (на его спине все еще оставались пятна). (Речь об их встрече в Пензе на очных ставках и показанных Игорем следах от электрошокера. — Прим. ред.) «Я был знаком с ним номинально, свои взгляды с ним не обсуждал — так что тут у меня один вопрос: какого [неценз.]? Он даже теоретически не мог знать того, о чем говорит! В общем, понять негодование пензенцев по поводу оговора я могу. И присоединиться. Можно ли осуждать Игоря? Можно. Нужно ли его бросить? Я думаю, что нет. Не Игорь тут враг, он тоже жертва».

После признания вины Бояршиновым многих удивляло, как на процессе они с Филинковым по-прежнему дружелюбно общаются в своем «аквариуме», балагурят, смеются. Ведь Виктор после такого решения Юлия остался один на один в этой битве. Хотя, наверное, не терял надежды, что еще что-то может перемениться.

В перерыве недавнего заседания Виктор приложил к стеклу ладонь в защитной перчатке, на которой написал: «Если Юлик пойдет в отказ, дело развалится».

А потом случился повторный допрос Юлиана.

«Я хочу напомнить об этом тексте Вити двухлетней давности, — написала в фейсбуке его защитница Женья Кулакова о том, как пытавшие его опера ФСБ через неделю уговаривали его сотрудничать со следствием: — «Я отказываюсь от подачек преступников в виде трехлетнего срока и меняю две свои жизни, чтобы отстоять свое честное имя, чтобы вы могли читать эти строки. Не все на это готовы, но не нужно никого винить. Все нуждаются в вашей поддержке».

Татьяна ЛИХАНОВА



МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ ДОЛЖНО ЗАПЛАТИТЬ

4 июня Лужский городской суд Ленобласти присудил 4 миллиона рублей матери погибшего во время учений «Запад-2017» солдата-срочника

Трагедия произошла 6 сентября 2017 года во время совместных учений войск Западного военного округа и войсковых частей Республики Беларусь. Перед маневрами на полигоне «Ванькин бугор» под Лугой проходили артиллерийские стрельбы. На вершине пологого склона стояли шесть танков, у подножия — имитационные команды. Солдаты-срочники Андрей Виттих, Дмитрий Пахмутов, Арсен Османов и Вадим Габидуллин должны были, изображая огонь противника, подорвать снаряды. В ответ танковая рота имитировала атаку, стреляя боевыми снарядами.

За имитацию огня противника отвечал начальник инженерных войск 6-й армии подполковник Денис Горельшев. Он допустил оплошность: в районе расположения имитационной команды не поставил отличительный знак — красный флаг. Наличие флажков должен был контролировать начальник 33-го общевойскового артиллерийского полигона (там находится «Ванькин бугор») подполковник Виктор Кривошеин. Но не проконтролировал. Танки встали на позицию и по команде открыли огонь. Их командиры не знали, что в окопах перед танками сидят не имитационные, а живые люди. Видны они не были, как не было и красных флажков, которые должны были предупредить танкистов. Осколочно-фугасный 125-миллиметровый снаряд разорвался в десяти метрах от солдат в окопе. Андрей Виттих погиб на месте: осколок пробил ему подвздошную артерию, и парень истек кровью. Остальные трое получили ранения различной степени тяжести.

В феврале 2019 года Великоновгородский суд признал обоих офицеров виновными в халатности и приговорил к условным срокам. После того как

приговор вступил в силу, трое оставшихся в живых солдат подали иск, требуя от Минобороны шесть миллионов рублей в качестве компенсации.

«Иск не к офицерам, а именно к министерству более логичен, — считает адвокат, представитель организации «Зона права» Дмитрий Герасимов. — Суд Великого Новгорода признал, что в результате преступной халатности Горельшева и Кривошеина истцам были причинены серьезные телесные повреждения и нравственные страдания. В момент причинения ущерба все фигуранты находились на службе, выполняли инструкции и положения Министерства

обороны. Причем оказались они там по призыву Минобороны. Так что кому, как не министерству, отвечать за оплошность офицеров?»

В сентябре 2019 года Лужский суд принял решение выплатить истцам 4 миллиона рублей. Потерпевшие были удовлетворены суммой и не собирались оспаривать это решение. Однако представители Минобороны не согласились и подали апелляцию в Ленинградский областной суд. В декабре 2019 года он отменил решение Лужского суда и постановил удовлетворить иск в полном объеме. Увеличив, таким образом, сумму выплаты с 4 до 6 миллионов рублей.



ФОТО ИЗ ДОМАШНЕГО АРХИВА

Первоначально мать Андрея Виттиха требований не предъявляла. Из всех истцов она живет дальше всех — в Пермском крае.

«Честно говоря, мне не верилось, что от Министерства обороны можно было что-то получить, — рассказала «Новой» мать погибшего солдата Андрея Виттиха Валентина Сухарева. — А если бы в суд пришлось ездить? Это же далеко и дорого. Да и не хотелось заново все это переживать».

Пословам Валентины Владимировны, трагедия в ее семье потрясла весь поселок Ножовка, откуда родом Андрей. Подобного там не случалось, хотя для юношей призывного возраста служить в армии не просто обязанность, а норма. Не отслуживший в армии не считается мужчиной и практически никогда не найдет приличной работы.

«Андрею отсрочку дали, чтобы он учебу в колледже закончил, — рассказывает Валентина. — Когда диплом защитил, пошел в военкомат. Мыслей, чтобы как-то избежать службы, даже не возникало. Не принято это у нас. Переживал лишь о том, чтобы в хорошие войска попасть».

Вернуться из армии Андрей должен был осенью 2017 года, практически сразу после учений «Запад-2017». Планировал устроиться на работу в нефтяную или геологоразведочную компанию: в колледже он получил специальность мастера буровых установок. Из армии его ждала девушка. Все планы оборвал осколок снаряда, попавший в живот и перерезавший кровеносный сосуд. Виттих в считанные минуты истек кровью и умер прямо на полигоне.

Несколько лет Валентина Владимировна не думала ни о каких компенсациях, но в конце прошлого года узнала о суде, который выиграли сослуживцы ее сына. Затем до нее дозвонился адвокат Дмитрий Герасимов, убедивший подать иск к Министерству обороны. Тем более что правовое обеспечение иска и все юридические вопросы организация «Зона права» брала на себя.

Конечно, никакие деньги не способны заменить потерю сына, но у Валентины Владимировны есть еще двое детей, и она рассудила, что «наследство» старшего брата лишним не будет.

«Этой осенью Николай (второй сын) пойдет на медкомиссию, — рассказывает Валентина Владимировна. — Ему тоже дали отсрочку, чтобы закончить учебу. Никаких сомнений, идти или не идти в армию, у него нет. Конечно, боязно сына отпускать, но в конце концов птенцы всегда покидают гнездо».

Как и в случае с первым иском, Министерство обороны в лице юридического отдела Западного военного округа (ЗВО) не согласилось с решением Лужского суда. На суде его представитель утверждала, что министерство полностью выполнило свои обязанности в отношении погибшего солдата.

«Действительно, Минобороны выплатило истце страховку и единовременное пособие, — говорит Герасимов. — С правовой точки зрения это лишь материальные потери от смерти Андрея. А то, что Валентина Владимировна испытала моральные страдания, военными не учитывалось. Мать провожала сына в армию не для того, чтобы он погиб от элементарной халатности. Но суд признал право матери на компенсацию».

Выяснить, будут ли военные юристы обжаловать данное решение, пока не удалось. Пресс-служба ЗВО не готова дать ответ, а юридический отдел в условиях эпидемии работает удаленно.

Лужский суд иск Сухаревой удовлетворил частично: Валентина Владимировна просила компенсацию в пять миллионов рублей — ей присудили четыре.

«**КОНЕЧНО, НИКАКИЕ ДЕНЬГИ НЕ СПОСОБНЫ ЗАМЕНИТЬ ПОТЕРЮ СЫНА, НО У ВАЛЕНТИНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ЕСТЬ ЕЩЕ ДВОЕ ДЕТЕЙ, И ОНА РАССУДИЛА, ЧТО «НАСЛЕДСТВО» СТАРШЕГО БРАТА ЛИШНИМ НЕ БУДЕТ**

РЕПУТАЦИЯ ИЛИ ДЕНЬГИ

Старинное здание железнодорожного вокзала Токсово готовят к сносу. На его месте предполагается построить новое, соответствующее современным требованиям

Казалось бы, ну и что. Прекрасно! Отжившее уступает место прогрессивному. Но почему старое, созданное руками прадедов, обязательно должно быть уничтожено? Ведь это наша история — в отличие от пластиковых коробок, которые историей станут вряд ли.

Вокзальное здание Токсово, как и многих других станций, относится к тому прекрасному времени, когда российские железные дороги считались одними из лучших в мире. К их проектированию привлекались известные архитекторы, работавшие по последнему слову строительного искусства. И технически, и визуально эти постройки составляют комплекс с полотном железной дороги.

Сегодня аксиомой среди историков архитектуры и специалистов по охране наследия считается сохранение ансамблей, которые существовали и должны далее существовать в единой среде — железная дорога и находящиеся на ней станции, камеры хранения, домики путейских обходчиков. Эта среда запечатлена в воспоминаниях людей, живших сто лет назад, в стихах, литературных произведениях. Новые ветки железной дороги будут построены с новой инфраструктурой, но старые должны быть сохранены в том виде, в каком были задуманы.

Здесь возникает резонный вопрос: можно ли сохранить, и если да, то как? Помочь здесь может только техническая экспертиза, которая зафиксирует состояние постройки, степень сохранности деревянных стен и перекрытий, степень разрушений.

К сожалению, в 2008 году, во время капитального ремонта, здание вокзального вокзала обшили сайдингом, закрыв деревянный декор, снесли печные трубы, уничтожили многие уникальные детали. Но даже после этой переделки в 2011 году

WWW.ARCHNADZOR.RU/



справка «Новой»

Здание токсовского вокзала построено в 1916 году по типовому проекту финским архитектором Урхо Пяллия и инженером Николаем Потехиным в стиле северный модерн. Сегодня такие вокзалы сохранились только на станциях Токсово и Грузино.

Станция была важным железнодорожным узлом в трех войнах (Гражданской, Советско-финской и Великой Отечественной).

Отсюда депортировали жителей Токсовского района во время массовых репрессий ингерманландских финнов в 1930-е — начале 1940-х). Сюда, в дачный поселок, приезжали многие известные писатели, художники, ученые — Александр Грин, Самуил Маршак, Анна Ахматова, Даниил Хармс, Дмитрий Лихачев и другие.

РЖД включило его в список «особо охраняемых»: под номером 42 он числится в приказе № Окт-94 «О сохранении памятников материальной и духовной культуры Октябрьской железной дороги».

Да, вокзал потерял свой изначальный облик, но он известен по старым фотографиям. Его силуэт по-прежнему остается очень выразительным, и по словам специалистов, здание возможно восстановить. Ведь сохранены фундамент, стены и сам объем здания. Даже если оно будет признано экспертизой полностью аварийным (что маловероятно), возможен вариант с воссозданием по обмерам и фотографиям. При этом интерьер, выполненный хоть и в старом стиле, можно с легкостью приспособить под современные требования. И красота не будет противоречить функциональности.

В качестве некоей дорожной карты по сохранению вокзала в Токсово можно было бы предложить следующие шаги:

1. За столом переговоров с представителями РЖД, Комитета по культуре Ленинградской области и представителями общественности Токсово зафиксировать тот факт, что приоритетом для всех

становится сохранение вокзала. Отменить его снос в июне 2020 г.

2. Для этого принять наконец положительное решение по выявлению нового объекта культурного наследия «Железнодорожный вокзал в Токсово» (документы были поданы в Комитет по культуре Ленинградской области еще в декабре 2019 г.).

3. В течение года провести историко-культурную экспертизу по обоснованию ценности данной постройки.

4. Найти финансирование на реставрационные работы.

Понятно, что здание, принадлежащее РЖД, должно им же реставрироваться. Точно так же ясно, что новое строительство старого деревянного здания. Но репутационные приобретения от такой реставрации должны перекрыть арифметику. Мы должны доказать, что умеем не только ломать, но способны ценить и сохранять то, что построили прадеды сто лет назад.

Очень хочется надеяться на благожелательность и неформальное отношение к своему имуществу представителей РЖД, что они уже демонстрировали (достаточно вспомнить вокзал на станции Тарховка, который под нажимом общественности не снесли и законсервировали до лучших времен), и на новую политику Комитета по культуре Ленобласти, где деревянной архитектурой с недавнего времени стали считать и дачи начала XX века, и на договороспособность градозащитников и общественности. Только общими усилиями можно спасти старые деревянные постройки, которые являются нашей историей и достоянием.

Елена ТРАВИНА,

координатор исследовательской группы
«Старые дачи»

СТОИТ СПЕШИТЬ!

На реконструкцию железнодорожного вокзала, предполагающую его снос, выделено почти 76 млн рублей. Однако «реконструкция» предполагает снос существующего здания

В декабре 2019 г. жители Токсово направили в Комитет по культуре Ленинградской области заявление на включение вокзала в реестр объектов культурного наследия. Но решение по этому вопросу не вынесено до сих пор, хотя по срокам, установленным законом, это должно быть сделано до 30 апреля. В связи с этим градозащитники подали электронную жалобу в прокуратуру Ленинградской области на бездействие Комитета по культуре Ленинградской области.

Депутат ЗакСа СПб Борис Вишневецкий направил письмо главе региона Александру Дрозденко и генеральному директору ОАО «РЖД» Олегу Белозерову с просьбой включить здание вокзала в Реестр объектов культурного наследия и пересмотреть планы по его сносу.

WWW.ARCHNADZOR.RU/



Май 2017 года



Проект реконструкции ж/д вокзала Токсово

ТОКСОВО-ЛО.ФО

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ

Хотите вы как в Миннесоте?



Дмитрий БЫКОВ



Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Мир стал мучительно нагляден. Господь решил в конце концов сравнить публично ихних гадин и наших праведных бойцов. Убили в Штатах Джорджа Флойда почти пятидесяти лет. Он был обидчивый и злой, да, и он за пачку сигарет платил фальшивую купюрой, засунув пачку в свой карман. Да, был он сложной натурой и был при этом наркоман, не соблюдал законных правил, три раза преступал черту, причем беременную грабил, приставив дуло к животу, — но убивать его за это, да вчетвером на одного, когда при нем ни пистолета, ни автомата, ничего?! Немудрено, что сразу в Штатах возникла бунтов череда, отряды черных и пейсатых громят и грабят города, — плати, Америка, за все ты! Протестный ширится размах, и губернатор Миннесоты публично кается в слезах. Всегда мы знали, что пиндосы — ходячий, воплощенный грех, а у кого еще вопросы — вопросов больше нет у тех. Мы видим сброшенную маску на карантинном рубеже. Кто аплодировали

Маску — не аплодируют уже. Уже Захарова Мария сказала, грозно посмотрев, что наши граждане бывшие обратно просятся в РФ (но мы еще посмотрим, правда, хочу я тихо намекнуть; мы пустим тех, кто был за Трампа, а кто за Хиллари — отнюдь). Случился полный мозговывнос, кренится дьявольский престол; страшней, чем был коронавирус, их исторический раскол, и как-то мы на этом фоне лишь подчеркнули их облом, на обнуленном нашем троне усевшись истинным орлом.

А что у нас, в отчизне танков и покровителей орбит? Убит Владимир Таушанков, при штурме гвардией убит. Сбежал, побоище устроив, затеяв форменный разгул (он утащил рулон обоев и локтем девушку пихнул). Его квартиру штурмом взяли: неадекватный, злобный чел! Бойцы Росгвардии не знали, вооружен ли он и чем. Им померещилось сперва там (и мы, конечно, их пойдем), что он с ножами, с автоматом, баллон перцовый был при нем... Увидев удостоверение, он

запер дверь, и все дела. (Другой бы предложил варенья: ку-ку, Росгвардия пришла! Любои, Росгвардию завидев, пред ней распахивает дверь, а он увидел в этом вызов и разозлился. Ну не зверь?) Убит в последний день весенний, но в честном, так сказать, бою, причем не ранили соседей, причем не тронули семью, согласно кодексу героев, не посрамив родной берет... Заметим, что рулон обоев — отнюдь не пачка сигарет! Предмет не легкий и не малый, и без особого труда им можно и убить, пожалуй. Как тем стаканчиком тогда. И он при путинском режиме (проблемы Штатов нам чужды) убит не расово чужими, не в силу расовой вражды, — застрелен нашими, своими, вступивши с ними в честный бой, убит законности во имя, о чем бы мог мечтать любой.

И вы, долдоня о прогрессе и об отравленной среде, судов хотите и репрессий? А гуманизм, простите, где? Ведь вы же, кажется, решили, и согласиться я готов, что вам при путинском режиме хватило

следствий и судов? Так вот: отстаньте от героев. Не придирайтесь к их правам. Иначе, бдительность утроив, они отправятся и к вам.

И вот заметьте, скажут Громов, и Кириенко, и Песков, — что никаких тебе погромов и никаких тебе свистков, и все спокойно проглотили. И так в крови уже до пят! Сидят себе на карантине и кротко в масочку сопят. Довольно этих революций, и конституций, и борьбы, и заговорщицких поллюций на тему будущей судьбы, — все эти штуки подростковы, и всем борцам цена пятак. Зачем нам склоки и расколы? Пассионарны мы и так, мы так друг друга ненавидим, как вам не снилось искони, — но мы на улицу не выйдем. Мы потому что не они. Мы не уступим даже в малом, мы всех соседей загрызем — но в тишине, под одеялом, как учит местный чернозем. Хотите вы как в Миннесоте? — спрошу с ухмылкой деловой.

Ну что ж поделайте. Отсосете. Вам это делать не впервой.

Редакторы номера:
Р. Дубов, А. Полухин

www.novayagazeta.spb.ru

www.novayagazeta.ru

Наш адрес
в интернете:
NovayaGazeta.Ru

**НОВАЯ
ГАЗЕТА**

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)
Сергей КОЖЕУРОВ (директор)

Редакционная коллегия и руководители направлений:
Роман АНИН, Ольга БОБРОВА (зам главного редактора),
Павел ГУТИОНОВ (Истфак «Новый»),
Александра ДЖОРДЖЕВИЧ (отдел расследований),
Руслан ДУБОВ (ответственный секретарь),
Андрей ЗАЯКИН (Дата-отдел),
Александр ЛЕБЕДЕВ (зам главного редактора),
Андрей ЛИПСКИЙ (зам главного редактора),
Лариса МАЛЮКОВА (обозреватель),
Кирилл МАРТЫНОВ (зам главного редактора),
Юлия МИНЕЕВА (редактор службы новостей),
Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор WEB-редакции),
Алексей ПОЛУХИН (зам главного редактора),
Надежда ПРУСЕНКОВА (пресс-служба),
Георгий РОЗИНСКИЙ (зам главного редактора),
Юрий РОСТ (обозреватель),
Петр САРУХАНОВ (главный художник),
Сергей СОКОЛОВ (зам главного редактора),
Ольга ТИМОФЕЕВА (редактор отдела культуры),
Виталий ЯРОШЕВСКИЙ (зам главного редактора)

Обозреватели и специальные корреспонденты:

Илья АЗАР, Юрий БАТУРИН,
Борис БРОНШТЕЙН, Дмитрий БЫКОВ,
Борис ВИШНЕВСКИЙ, Александр ГЕНИС,
Ирина ГОРДИЕНКО, Елена ДЬЯКОВА,
Вячеслав ИЗМАЙЛОВ,
Павел КАНЬГИН, Денис КОРОТКОВ,
Елена КОСТЮЧЕНКО, Алиса КУСТИКОВА,
Юлия ЛАТЫНИНА, Елена МИЛАШИНА,
Владимир МОЗГОВОЙ,
Галина МУРСАЛИЕВА, Ирек МУРТАЗИН,
Леонид НИКИТИНСКИЙ,
Ирина ПЕТРОВСКАЯ,
Алексей ПОЛИКОВСКИЙ,
Вячеслав ПОЛОВИНКО, Юлия ПОЛУХИНА,
Елена РАЧЕВА, Ким СМЕРНОВ,
Алексей ТАРАСОВ, Слава ТАРОЩИНА,
Марина ТОКАРЕВА, Ирина ТУМАКОВА,
Павел ФЕЛЬГЕНГАУЗЕР,
Арнольд ХАЧАТУРОВ,
Вера ШЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА,
Ян ШЕНКМАН

Отдел мультимедиа «Новая студия»:
Анна АРТЕМЬЕВА,
Влад ДОКШИН,
Виктория ОДИССОНОВА

Собственные корреспонденты:

Надежда АНДРЕЕВА (Саратов),
Татьяна БРИЦКАЯ (Мурманск),
Мария ЕПИФАНОВА (страны Балтии
и Северной Европы), Иван ЖИЛИН (Урал),
Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург),
Александр МИНЕЕВ (Брюссель),
Ольга МУСАФИРОВА (Киев),
Александр ПАНОВ (Вашингтон),
Нина ПЕТЛЯНОВА (Санкт-Петербург),
Юрий САФРОНОВ (Париж),
Ирина ХАЛИП (Минск),

Группа выпуска:

Анна ЖАВОРОНКОВА, Алексей КОМАРОВ,
Татьяна ПЛОТНИКОВА (бильд-редакторы),
Диана ГРИГОРЬЕВА, Оксана МИСИРОВА,
Надежда ХРАПОВА, Вероника ЦОЦКО
(технические редакторы)

WEB-редакция:

Екатерина БАТАЛОВА,
Антон ВШИВЦЕВ, Мария ЕФИМОВА,
Юлия МИНЕЕВА (заместитель шеф-редактора),
Глеб ЛИМАНСКИЙ,
Александра НОВИКОВА,
Анастасия ТОРОП

ДИРЕКЦИЯ

Алексей ПОЛУХИН
(генеральный директор
ЗАО «ИД «Новая газета»),
Владимир ГРИБКОВ
(заместитель генерального
директора),
Владимир ВАНЯКИН
(юриспруденция делами),
Ирина ДРАНКОВА,
Елена СЕДОВА
(бухгалтерия),
Наталья ЗЫКОВА
(персонал),
Анжелика ПОЛЯКОВА
(реклама),
Ярослав КОЖЕУРОВ,
Галина КАРАЛАШ,
Екатерина СЕДОВА
(управление делами),
Валерий ШИРЯЕВ
(заместитель директора)

Пресс-служба:
Надежда ПРУСЕНКОВА

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ ГАЗЕТЫ В СПБ

Учредитель и издатель: **ООО «МЕДИА.С-ПБ»**
СПб., 11-я линия, 66
Главный редактор: **Д. Л. КАЧАЛОВА**
Адрес редакции и издателя: 199048, Санкт-Петербург,
11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».
Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:

ПР633

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — **222 250 экз.**
Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — **26 100 000** просмотров
за май 2020 г.
Тираж одного номера
в СПб — 1830 экз.

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: **ЗАО «Издательский дом «Новая газета»**. Редакция:
АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2020 г.

Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное.

Заказ №28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благодатная ул., 63.
Цена свободная. Срок подписания в печать по графику: 19.30, 06.06.2020 г.
Номер подписан: 19.30, 06.06.2020 г. Время подписания номера в печать в СПб: 23.00,
07.06.2020. Уважаемые читатели! Просим всю корреспонденцию присылать
по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».